

P1
T 53

К

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
К Л А С С И К О В

Л.Н.ТОЛСТОЙ

ПОЛИКУШКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
КЛАССИКОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

49¢

ПОЛИКУШКА

ПОВЕСТЬ

54

✓
ПРОВЕРЕН
1962 ГОД

Библиотека
№ 10789
Библиотека Казань

★ БИБЛИОТЕКА ★
№ 9801
Владужск. Учят Института

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

ПОЛИКУШКА

I

— Как изволите приказать, сударыня! Только Дуловых жалко. Все один к одному, ребята хорошие; а коли хоть одного дворового не поставит, не миновать ихнему итти,—говорил приказчик:—и то теперь все на них указывают. Впрочем, воля ваша.

И он переложил правую руку на левую, держа обе перед животом, перегнул голову на другую сторону, втянул в себя, чуть не чмокнув, тонкие губы, позакатил глаза и замолчал с видимым намерением молчать долго и слушать без возражений весь тот вздор, который должна была сказать ему на это барыня.

Это был приказчик из дворовых, бритый, в длинном сюртуке (особого приказчиьего покроя), который вечером, осенью, стоял с докладом перед своею барыней. Доклад, по понятиям барыни, состоял в том, чтобы выслушивать отчеты о прошедших хозяйственных делах и делать распоряжения о будущих. По понятиям приказчика, Егора Михайловича, доклад был обряд ровного стояния на обеих вывернутых ногах в углу, с лицом, обращенным к дивану, выслушивания всякой не идущей к делу болтовни и доведения барыни различными средствами до того, чтоб она скоро и нетерпеливо заговорила «хорошо, хорошо» на все предложения Егора Михайловича.

Теперь дело шло о наборе. С Покровского надо было поставить троих. Двое были, несомненно, назначены самою судьбой, по совпадению семейных, нравственных и экономических условий. Относительно их не могло быть колебания и спора ни со стороны мира, ни со стороны барыни, ни со стороны общественного мнения. Третий был спорный. Приказчик хотел отстоять тройника Дутлова и поставить семейного дворового Поликушку, имевшего весьма дурную репутацию, неоднократно попадавшего в краже мешков, вожжей и сена; барыня же, часто ласкавшая оборванных детей Поликушки и посредством евангелических внушений исправлявшая его нравственность, не хотела отдавать его. Вместе с тем она не хотела зла и Дутловым, которых она не знала и никогда не видала. Но почему-то она никак не могла сообразить, а приказчик не решался прямо объяснить ей того, что ежели не пойдет Поликушка, то пойдет Дутлов. «Да я не хочу несчастья Дутловых»,—говорила она с чувством. «Ежели не хотите, то заплатите триста рублей за рекрута», вот что надо было бы отвечать ей на это. Но политика не допускала этого.

Итак, Егор Михайлович спокойно устался, незаметно даже прислонился к притолоке, и, храня на лице подобострастие, стал смотреть, как у барыни шевелились губы, как подпрыгивал рюш на ее чепчике вместе со своею тенью на стене под картинкой. Но он вовсе не находил нужным вникать в смысл ее речей... Барыня говорила долго и много. Звук эти ему были даже приятны, и у него сделалась зеботная судорога за ушами, но он ловко изменил это содрогание в кашель, закрывшись рукой и притворно крикнув. Я недавно видел, как лорд Пальмерстон сидел, накрывшись шляпой, в то время как член оппозиции громил министерство, и вдруг, встав, трехчасовую речь отвечал на все пункты против-

ника; я видел это и не удивлялся, потому что нечто подобное я тысячу раз видел между Егором Михайловичем и его барыней. Боялся ли он заснуть или показалось ему, что она уж очень увлекается,—он перенес тяжесть своего корпуса с левой ноги на правую и начал сакраментальным вступлением, как всегда начинал:

— Воля ваша, сударыня, только... только сходка теперь стоит у меня перед конторой и надо конец сделать. В приказе сказано, до Покрова нужно свезти рекрутов в город. А из крестьян все на Дутловых показывают, да и не на кого больше. А мир интесу вашего не соблюдает: ему все равно, что мы Дутловых разорим. Ведь я знаю, как они бились. Вот с тех пор, как я управляю, все в бедности жили. Только-только дождался старик меньшего племянника, теперь их опять разорить надо. А я, вы изволите знать, о вашей собственности как о своей забочусь. Жалко, сударыня, как вам будет угодно. Они мне ни сват, ни брат, и я с них ничего не взял.

— Да я и не думала, Егор,—прервала барыня и тотчас же подумала, что он подкуплен Дутловыми.

— ... А только по всему Покровскому лучший двор. Богобоязненные, трудолюбивые мужики. Старик тридцать лет старостой церковным, ни вина не пьет, ни словом дурным не бранится, в церковь ходит. (Знал приказчик, чем подкупить.) И главное дело, доложу вам, у него сыновей только двое, а то племянники. Мир указывает, а понастоящему ему бы надо двойниковый жребий кидать. Другие от трех сыновей поделились по своей необходимости, а теперь и правы, а эти за свою добродетель должны пострадать.

Тут уж барыня ничего не понимала,—не понимала, что значили тут «двойниковый жребий» и «добродетель»; она слышала только звуки и наблюдала наковные пуговицы на сюртуке приказчика: верхнюю он верно реже застегивал, так она и плотно сидела.

а средняя совсем оттянулась и висела, так что давно бы ее пришить надо было. Но, как всем известно, для разговора, особенно делового, совсем не нужно понимать того, что вам говорят, а нужно только помнить, что сам хочешь сказать. Так и поступала барыня.

— Как ты не хочешь понять, Егор Михайлов?— сказала она.—Я вовсе не желаю, чтобы Дутлов пошел в солдаты. Кажется, сколько ты меня знаешь, ты можешь судить, что я все делаю, что могу, для того, чтобы помочь своим крестьянам, и не хочу их несчастья. Ты знаешь, что я всем готова бы пожертвовать, чтоб избавиться от этой грустной необходимости и не отдавать ни Дутлова, ни Хорюшкина. (Не знаю, пришло ли в голову приказчику, что для того, чтоб избавиться от грустной необходимости, не нужно жертвовать всем, а довольно трехсот рублей; но эта мысль легко могла притти ему.) Одно только скажу тебе, что Поликея я ни за что не отдам. Когда после этого дела с часами он сам признался мне и плакал, и клялся, что он исправится, я долго говорила с ним и видела, что он тронут и искренно раскаялся. («Ну, понесла!» подумал Егор Михайлович и стал рассматривать варенье, которое у нее было положено в стакан воды: апельсинное или лимонное? «Должно быть, с горечью», подумал он.) С тех пор вот семь месяцев, а он ни разу пьян не был и ведет себя прекрасно. Мне его жена говорила, что он другой человек стал. И как же ты хочешь, чтоб я теперь наказала его, когда он исправился? Да и разве это не бесчеловечно отдать человека, у которого пять человек детей, и он один? Нет, ты мне лучше не говори про это, Егор...

И барыня запила из стакана с вареньем.

Егор Михайлович проследил за прохождением воды через горло и затем возразил коротко и сухо:

— Так, Дутлова назначить прикажете?

Барыня всплеснула руками.

— Как ты не можешь меня понять? Разве я желаю несчастья Дутлова, разве я имею что-нибудь против него? Бог мне свидетель, как я все готова сделать для них. (Она взглянула на картину в углу, но вспомнила, что это не бог: «ну да все равно, не в том дело»,—подумала она. Опять странно, что она не напала на мысль о трехстах рублях.) Но что же мне делать? Разве я знаю, как и что? Я не могу этого знать. Ну, я на тебя полагаюсь, ты знаешь, чего я хочу. Делай так, чтобы все были довольны, по закону. Что ж делать? Не им одним,—всем бывают тяжелые минуты. Только Поликея нельзя отдать. Ты пойми, что это было бы ужасно с моей стороны.

Она бы долго еще говорила,—она так одушевилась, но в это время в комнату вошла горничная девушка.

— Что ты, Дуняша?

— Мужик пришел, велел спросить у Егора Михайловича, прикажут дожидаться сходке?—сказала Дуняша и сердито взглянула на Егора Михайловича. («Экой этот приказчик!—подумала она,—растревожил барыню, теперь опять не даст заснуть до второго часа».)

— Так поди, Егор,—сказала барыня,—делай, как лучше.

— Слушаю-с. (Он уж ничего не сказал о Дутлове): а за деньгами к садовнику кого прикажете послать?

— Петруша разве не приезжал из города?

— Никак нет-с.

— А Николай не может ли съездить?

— Тятенька от поясницы лежит,—сказала Дуняша.

— Не прикажете ли мне самому завтра съездить?—спросил приказчик.

— Нет, ты здесь нужен, Егор. (Барыня задумалась.) Сколько денег?

— 462 рубля-с.

— Поликея пошли,—сказала барыня, решительно взглянув в лицо Егора Михайлова.

Егор Михайлов, не открывая зубов, растянул губы, как будто улыбался, и не изменился в лице.

— Слушаю-с.

— Пошли его ко мне.

— Слушаю-с,—и Егор Михайлович пошел в контору.

II

Поликей, как человек незначительный и замаранный, да еще из другой деревни, не имел протекции ни через ключницу, ни через буфетчика, ни через приказчика или горничную, и угол у него был самый плохой, даром что он был сам-семь с женой и детьми. Углы еще покойным барином построены были так: в десятиаршинной каменной избе в середине стояла русская печь, кругом был коридор (как звали дворовые), а в каждом углу был отгороженный досками угол. Места, значит, было немного, особенно в поликеевом углу, крайнем к двери. Брачное ложе со стеганым одеялом и ситцевыми подушками, люлька с ребенком, столик на трех ножках, на котором стряпалось, мылось, клалось все домашнее и работал сам Поликей (он был коновал), кадушки, платья, куры, теленок и сами семеро наполняли весь угол и не могли бы пошевелиться, ежели бы общая печь не представляла своей четвертой части, на которой ложились и вещи, и люди, ежели бы еще нельзя было выходить на крыльцо. Оно, пожалуй, и нельзя было: в октябре холодно, а теплого платья был один тулуп на всех семерых; но зато можно было греться детям бегая, а большим

работая, и тем и другим влезая на печку, где было до 40 градусов тепла. Оно, кажется, страшно жить в таких условиях, а им было ничего: жить можно было. Акулина обмывала, обшивала детей и мужа, пряла и ткала, и белила свои холсты, варила и пекла в общей печи, бранилась и сплетничала с соседями. Месячины доставало не только на детей, но еще и на посыпку корове. Дрова вольные были, корм скотине тоже. И сenco из конюшни перепадало. Была полоска огорода. Коровенка отелилась; свои куры были. Поликей при конюшне был, убирал двух жеребцов и бросал кровь лошадям и скотине, расчищал копыта, насосы спускал и давал мази собственного изобретения, и за это ему деньжонки и припасы перепали. Господского овса тоже оставалось. На деревне был мужичок, который регулярно в месяц за две мерки выдавал двадцать фунтов баранины. Жить бы можно было, коли бы душевного горя не было. А горе было большое всему семейству. Поликей смолоду был в другой деревне при конном заводе. Конюший, к которому он попал, был первый вор по всему околотку: его на поселенье сослали. У этого конюшего Поликей учение прошел и по молодости лет так к этим пустякам привык, что потом и рад бы отстать—не мог. Человек он был молодой, слабый; отца, матери не было и учить некому было. Поликей любил выпить, а не любил, чтобы где что плохо лежало. Гуж ли, седелка ли, замок ли, шкворень ли, или подороже что,—все у Поликея Ильича место себе находило. Везде были люди, которые вещицы эти принимали и платили за них вином или деньгами, по согласию. Заработки эти самые легкие, как говорит народ: ни учения тут, ни труда, ничего не надо, а коли раз испытаешь, другой работы не захочется. Только одно нехорошо в этих заработках: хотя и дешево и нетрудно все достает-

ся, и жить приятно бывает, да вдруг от злых людей не поладится этот промысел, и за все разом запла-тишь и жизни не рад будешь.

Так-то и с Поликеем случилось. Женился Поликей, и дал ему бог счастье: жена—скотникова дочь, попалась баба здоровая, умная, работающая; детей ему нарожала один другого лучше. Поликей все своего промысла не оставлял, и все шло хорошо. Вдруг пришла на него неудача, и он попался. И попался из пустяков: у мужика ременные вожжи припрятал. Нашли, побили, до барыни довели и стали примечать. Другой, третий раз попался. Народ срамить стал, приказчик солдатством пригрозил, барыня выговорила, жена плакать, убиваться стала; совсем все навыворот пошло. Человек он был добрый и не дурной, только слабый,—выпить любил и такую сильную привычку, взял в этому, что никак не мог отстать. Бывало начнет ругать его жена, даже бить, как он пьяный придет, а он плачет. «Несчастный я,—говорит,—человек, что мне делать? Лопни мои глаза, брошу не стану». Глядишь, через месяц опять уйдет из дому, напьется, дня два пропадает. «Откудова-нибудь да он деньги берет, чтобы гулять», рассуждали люди. Последнее его дело было с часами конторскими. Были в конторе старые висячие стенные часы, давно уж не шли. Пришлось ему одному войти в отпертую контору: польстился он на часы, унес и сбыл в город. Как нарочно случись, что тот лавочник, которому он часы сбыл, приходился сватом одной дворовой и пришел на праздник в деревню и рассказал про часы. Стали добираться, точно кому-нибудь это нужно было. Особенно приказчик Поликея не любил. И нашли. Доложили барыне. Барыня призвала Поликея. Он сразу упал в ноги и с чувством, трогательно во всем признался, как его научила жена. Он все исполнил очень хорошо. Стала его барыня урезонивать, говорила-говорила, причитала-причитала и о боге, и о добро-

детели, и о будущей жизни, и о желе, и о детях и довела его до слез. Барыня сказала:

— Я тебя прощаю, только обещай ты мне никогда этого впредь не делать.

— Век не буду! Провалиться мне, разорвись моя утроба!—говорил Поликей и трогательно плакал.

Поликей пришел домой и дома, как теленок, ревел целый день и на печи лежал. С тех пор ни разу ничего не было замечено за Поликеем. Только жизнь его стала невесела: народ на него как на вора смотрел и, как пришло время набора, все стали на него указывать.

Поликей был коновал, как уже сказано. Как он вдруг сделался коновалом, это никому не было известно и еще меньше ему самому. На конном заводе при конюшем, сосланном на поселенье, он не исполнял никакой другой должности, кроме чистки на оза из денников, иногда чистки лошадей и возки воды. Там он не мог выучиться. Потом он был ткачом, потом работал в саду, чистил дорожки; потом за наказание бил кирпич; потом, ходя по оброку, занимался в дворники к купцу. Стало быть, и тут не было ему практики. Но в последнее пребывание его дома как-то понемногу стала распространяться репутация его необычайного, даже несколько сверхъестественного, коновальского искусства. Он пустил кровь раз-другой, потом повалил лошадь и поковырял ей что-то в ляжке, потом потребовал, чтобы завели лошадь в станок, и стал ей резать стрелку до крови, несмотря на то, что лошадь билась и даже визжала, и сказал, что это значит «спуцать подкопытную кровь». Потом он объяснил мужику, что необходимо бросить кровь из обеих жил «для большей легкости» и стал бить колотушкой по тупому ланцету; потом под брюхом дворниковой лошади передернул покрывку от женного головного платка: наконец, стал присыпать купоросом всякие болячки, мочить из склян-

ки и давать иногда внутрь что вздумается. И чем больше он мучил и убивал лошадей, тем больше ему верили и тем больше водили к нему лошадей.

Я чувствую, что нашему брату, господам, не совсем прилично смеяться над Поликеем. Приемы, которые он употреблял для внушения доверия, те же самые, которые действовали на наших отцов, на нас и на наших детей будут действовать. Мужик, брюхом навалившись на голову своей единственной кобылы, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и с верой и ужасом глядящий на значительно нахмуренное лицо Поликея и его тонкие засученные руки, которыми он нарочно жмет именно то место, которое болит, и смело режет живое тело с затаенною мыслью: «куда кривая не вынесет», и показывая вид, что он знает, где кровь, где материя, где сухая, где мокрая жила, а в зубах держит целительную тряпку или склянку с купоросом,— мужик этот не может представить себе, чтоб у Поликея поднялась рука резать, не зная. Сам он не мог бы этого сделать. А как скоро разрезано, он не упрекает себя за то, что дал напрасно резать. Не знаю, как вы, а я испытывал с доктором, мучившим по моей просьбе людей, близких моему сердцу, точь-в-точь то же самое. Ланцет и таинственная белесоватая склянка с сулемой и слова: чильчак, почечуй, спущать кровь, материю и т. п., разве не те же нервы, ревматизмы, организмы и т. п.? *Wage du zu irren und zu träumen*— это не столько к поэтам относится, сколько к докторам и коновалам.

III

В тот самый вечер, как сходка, выбирая рекрута, гудела у конторы в холодном мраке октябрьской ночи, Поликей сидел на краю кровати у стола и рас-

тирал на нем бутылкой лекарство, которого он не знал, от лошадиной болезни, которую он тоже не знал. Тут были сулема, сера, глауберова соль и трава, которую Поликей собирал, вообразив себе как-то раз, что эта трава очень полезна от запла, и находя не лишним давать ее и от других болезней. Дети уже лежали: двое на печи, двое на кровати, один в люльке, у которой сидела Акулина за пряжей. Огарок, оставшийся от господских плохо лежавших свеч, в деревянном подсвечнике стоял на окне, и, чтобы муж не отрывался от своего важного занятия, Акулина вставала поправлять огарок пальцами. Были вольнодумцы, которые считали Поликея пустым коновалом и пустым человеком. Другие и большинство считали его нехорошим человеком, но великим мастером своего дела. Акулина же, несмотря на то, что часто ругала и даже бивала своего мужа, считала его несомненно первым коновалом и первым человеком в свете. Поликей высыпал в горсточку какую-то специю. (Весов он не употреблял и иронически отзывался о немцах, употреблявших весы. «Это,--говорил он,--не аптека!».) Поликей прикинул свою специю на руке и встряхнул; но ему показалось мало, и он высыпал в десять раз более. «Всю положу, лучше поднимет», сказал он сам про себя. Акулина быстро оглянулась на голос властелина, ожидая приказания; но увидав, что дело до нее не касается, пожала плечами: «Вишь, дощлый! откуда берется!» подумала она и опять принялась пряхь. Бумажка, из которой высыпана была специя, упала под стол. Акулина не пропустила этого.

— Анютка!—крикнула она,—вишь, отец уронил, подними.

Анютка выкинула тоненькие босые ножки из-под капота, покрывавшего ее, как котенок слезла под стол и достала бумажку.

— Нате, тятенька,—сказала она и юркнула опять в постель озябшими ножонками.

— Сто толкается,—пропищала ее меньшая сестра, сующая и засыпающим голосом.

— Я вас!—проговорила Акулина, и обе головы скрылись под капотом.

— Три целковых даст,—проговорил Поликей, затыкая бутылку,—вылечу лошадь. Еще дешево,—прибавил он.—Поломай-ка голову, поди! Акулина, сходи, попроси табачку у Никиты. Завтра отдам.

И Поликей достал из штанов липовый, когда-то выкрашенный чубучок с сургучом вместо мундштука и стал налаживать трубку.

Акулина оставила веретено и вышла, не зацепившись, что было очень трудно. Поликей открыл шкапчик, поставил бутылку и опрокинул в рот пустой штофчик, но водки не было. Он поморщился, но когда жена принесла табак и он набил трубку, закурил и сел на кровать, лицо его просияло довольством и гордостью человека, окончившего свой дневной труд. Думал ли он о том, как он завтра прихватит язык лошади и вольтет ей в рот эту удивительную микстуру, или он размышлял о том, как для нужного человека ни у кого не бывает отказа, и что вот Никита прислал-таки табачку,—ему было хорошо. Вдруг дверь, висевшая на одной петле, откинулась, и в угол вошла верховая девушка, не вторая, а третья, маленькая, которую держали для посылок. Верх, как всем известно, значит барский дом, хотя бы он был и внизу. Аксютка—так звали девочку—всегда летала как пуля, и приэтом руки ее не сгибались, а качались как маятник, по мере быстроты ее движения, не вдоль боков, а перед корпусом, щеки ее всегда были краснее ее розового платья; язык ее шевелился всегда так же быстро, как и ноги. Она влетела в комнату и, ухватившись для чего-то за печку, начала качаться и, как будто желая выговорить непременно не более как по два, три слова за раз,

вдруг, задыхаясь, произнесла следующее: обращаясь к Акулине:

— Барыня велела Поликею Ильичу сею минутою притить вверх, велела... Она остановилась и тяжело перевела дух.) Егор Михайлыч был у барыни, о некрутах говорили, Поликея Ильича поминали... Авдотья Миколавна велела сею минутою притить. Авдотья Миколавна велела... (опять вздох) сею минутою притить.

С полминуты Аксютка посмотрела на Поликея, на Акулину, на детей, которые высунулись из-под одеяла, схватила скорлупу ореха, валявшуюся на печи, бросила в Анютку и, проговорив еще раз «сею минутою притить», как вихрь вылетела из комнаты, и маятники с обычною быстротой замотались поперек линии ее бега.

Акулина встала опять и достала мужу сапоги. Сапоги были скверные, прорванные, солдатские. Сняла кафтан с печи и подала ему, не глядя на него.

— Ильич, переменять рубаху не станешь?

— Не,—сказал Поликей.

Акулина не взглянула на его лицо ни разу, в то время как он молча обувался и одевался, и хорошо сделала, что не взглянула: лицо у Поликея было бледно, нижняя челюсть дрожала, и в глазах было то плаксивое и покорное, глубоко-несчастное выражение, которое бывает только у людей добрых, слабых и виноватых. Он причесался и хотел выйти, жена остановила его и поправила ему тесемку рубахи, висевшую на армяке, и надела на него шапку.

— Что, Поликей Ильич, али барыня вас требуют?—раздался голос столяровой жены из-за перегородки.

Столярова жена только нынче утром имела с Акулиной жаркую неприятность за горшок щелока, который у ней разлили поликеевы дети, и ей в первую минуту приятно было слышать, что Поликея зовут

к барыне: должно быть, не за добром. Притом она была тонкая, политичная и язвительная дама. Никто лучше ее не умел отбрить словом; так, по крайней мере, она сама про себя думала.

— Должно быть, в город за покупками хотят послать,—продолжала она.—Я так полагаю, что верного человека выберут, вас и посылают. Вы мне тогда чайку четверочку купите, Поликей Ильич.

Акулина удержала слезы, и губы ее стянулись в злое выражение. Так бы и вцепилась она в паскудные волосы сволочи этой, столярной жены. Но как взглянула она на своих детей и подумала, что они останутся сиротами, а она солдаткой-вдовой, забыла она язвительную столярную жену, закрыла лицо руками, села на постель, и голова ее опустилась на подушки.

— Мамуска, ты меня сплющила,—проворчала сюсюкающая девочка, выдергивая свой салоп из-под локтя матери.

— Хоть бы перемерли вы все! На горе народила я вас!—прокричала Акулина и зарыдала на весь угол в утеху столярной жены, не забывшей еще про утренний щелок.

IV.

Прошло полчаса. Ребенок закричал, Акулина встала и покормила его. Она уж не плакала, но, облокотив свое еще красивое худое лицо, уставилась глазами на догоравшую свечу и думала о том, зачем она вышла замуж, зачем столько солдат нужно, и о том, еще, как бы ей отплатить столярной жене.

Послышались шаги мужа; она отерла следы слез и встала, чтобы дать ему дорогу. Поликей вошел козырем, бросил шапку на кровать, отдулся и стал распоясываться.

— Ну, что?.. за чем звала?

1093

— Гм... известно! Поликушка последний человек, а как дело нужно, так кого? Поликушку.

— Какое дело?

Поликей не торопился отвечать; он закурил трубку и сплюнул.

— К купцу за деньгами велела ехать.

— Деньги везть?—спросила Акулина.

Поликей усмехнулся и покачал головой.

— Куды ловка на словах! Ты, говорит, был на замечаньи, что ты неверный человек, только я тебе верю больше, чем другому кому (Поликей говорил громко затем, чтобы соседи слышали). Ты мне обещал исправиться, говорит, вот тебе значит первое доказательство, что я тебе верю: съезди, говорит, к купцу, возьми деньги и привези. Я, говорю, сударыня, мы, говорю, все ваши холопы и должны служить как богу, так и вам, потому я чувствую себя, что могу все изделать для вашего здоровья и от должности ни от какой не могу отказываться; что прикажете, то исполню, потому я есть ваш раб. (Он опять усмехнулся тою особенною улыбкой слабого, доброго и виноватого человека.) Так ты, говорит, сделаешь верно? Ты, говорит, понимаешь ли, что твоя судьба зависит от этого? Как могу не понимать, что я все могу сделать? Коли на меня наговорили, так обвинить каждого можно, а я никогда ничем, кажется, противу вашего здоровья не мог и помыслить. Так, значит, ее заговорил, что совсем моя барыня мягкая стала. Ты, говорит, мне первый человек будешь. (Он помолчал, и опять та же улыбка остановилась на его лице.) Я очень знаю, как с ними говорить. Бывало, как я еще по оброку ходил, какой наскочит! А только дай поговорить с ним, так его умащу, что шелковый станет.

— И много денег?—спросила еще Акулина.

Три полтысячи рублей,—небрежно отвечал Поликей.

Она покачала головой.

— Когда ехать?

— Завтра велела. Возьми, говорит, лошадь, какую хочешь, зайди в контору и ступай с богом.

— Слава тебе, господи,—сказала Акулина, вставая и крестясь.—Помоги тебе бог, Ильич,—прибавила она шопотом, чтобы не слышали за перегородкой, и придерживая его за рукав рубахи.—Ильич, слушай меня, христом-богом прошу, как поедешь, крест поцелуй, что в рот капли не возьмешь.

— А то пить стану, с такими деньгами ехамши!—фыркнул он.—Уж как там в фортопьян играл кто-то ловко, беда!—прибавил он, помолчав и усмехаясь.—Должно, барышня. Я так-то перед ней стоял, перед барыней у горки, а барышня там, за дверью, закатывала. Запустит, запустит, так складно подлаживает, что ну! Поиграл бы я, право. Я бы дошел. Как раз бы дошел. Я до этих делов ловок. Рубаху завтра чистую дай.

И они легли спать счастливые.

V

Сходка между тем шумела у конторы. Дело было не шуточное. Мужики почти все были в сборе, и в то время как Егор Михайлович ходил к барыне, головы накрылись, больше голосов стало слышно вдруг, и голоса стали громче. Стон густых голосов, изредка перебиваемый задыхающеюся хриплойо крикливою речью, стоял в воздухе, и стон этот долетал, как звук шумящего моря, до окошек барыни, которая терпеть не могла этих звуков и испытывала при этом нервическое беспокойство, похожее на чувство, возбуждаемое сильною грозой: не то страшно, не то неприятно ей было. Все ей казалось, что вот-вот еще громче и чаще станут голоса и случится что-нибудь. «Как будто нельзя все сделать тихо, мирно, без спору,

без крику,—думала она,—похристианскому, братолюбивому и кроткому закону».

Много голосов говорило вдруг, но громче всех кричал Федор Резун, плотник. Он был двойниковый и нападал на Дутловых. Старик Дутлов защищался; он повыступил вперед из толпы, за которой стоял сначала, и, захлебываясь, широко разводя руками и поддерживая бородку, гнусил так часто, что самому ему трудно было бы понять, что он говорил. Дети и племянники, молодец к молодцу, стояли и жались за ним, и старик Дутлов напоминал собою матку в игре в коршуна. Коршуном был Резун, и не один Резун, а все двойники и все одинокие, почти вся сходка, наступавшая на Дутлова. Дело было в том, что Дутлова брат был лет тридцать тому назад отдан в солдаты и потому он не хотел быть на очереди с тройниками, а хотел, чтобы службу его брата зачили и его бы сравняли с двойниками в общий жребий и из них бы уж взяли третьего рекрута. Тройниковых было еще четверо, кроме Дутлова; но один был староста, и его госпожа уволила; из другой семьи поставлен был рекрут в прошлый набор; из остальных двух были назначены двое, и один из них даже и не пришел на сходку, только баба его грустно стояла позади всех, смутно ожидая, что как-нибудь колесо перевернется на ее счастье; другой же из двух назначенных, рыжий Роман, в оборванном армяке, хотя и не бедный, стоял, прислонившись, у крыльца, и, наклонив голову, все время молчал, только изредка внимательно вглядывался в того, кто заговаривал погромче, и опять опускал голову. Так и веяло несчастьем от всей его фигуры. Старик Семен Дутлов был такой человек, что всякий, немного знавший его, отдал бы ему на сохранение сотни и тысячи рублей. Человек он был степенный, богобоязненный, состоятельный, был он притом церковным старостой. Тем разительнее был азарт, в котором он находился.

Резун плотник был, напротив, человек высокий, черный, буйный, пьяный, смелый и особенно ловкий в спорах и толках на сходках, на базарах с работниками, купцами, мужиками или господами. Теперь он был спокоен, язвительен и со всей высоты своего роста, всею силою звучного голоса и ораторского таланта давил захлебывавшегося и выбитого совершенно из своей степенной колеи церковного старосту. Участниками в споре были еще: круглолицый, моложавый, с четверугольною головою и курчавою бородкой, коренастый Гараська Колылов, один из говорунов следующего за Резуном более молодого поколения, отличавшийся всегда резкою речью и уже заслуживший себе вес на сходке. Потом Федор Мельничный, желтый, худой, длинный, сутуловатый мужик, тоже молодой, с редкими волосами на бороде и с маленькими глазками, всегда желчный, мрачный, во всем находивший злую сторону и часто озадачивавший сходку своими неожиданными и отрывистыми вопросами и замечаниями. Оба эти говоруна были на стороне Резуна. Кроме того, вмешивались изредка два болтуна: один с добродушной рожей и окладистою русою бородою, Храпков, все приговаривавший: «друг ты мой любезный», и другой, маленький, с птичьей рожцею, Жидков, тоже приговаривавший ко всему: «выходит, братцы моя», обращавшийся ко всем и говоривший складно ни к селу, ни к городу. Оба они были то за того, то за другого, но их никто не слушал. Были и другие такие же, но эти двое так и семеняли между народом, больше всех кричали, пугая барыню, меньше всех были слушаемы, и одуренные шумом и криком, вполне предавались удовольствию чесания языка. Было еще много разных характеров мирян: были мрачные, приличные, равнодушные, загнившие; были и бабы позади мужиков с палочками; но про всех их, бог даст, я расскажу в другой раз. Толпа же составлялась вообще из мужиков,

стоявших на сходке, как в церкви, и позади шопотом разговаривавших о домашних делах, о том, как в роще вырезки накладывать, или молча ожидавших, соро ли кончат галдеть. А то были еще богатые. которым сходка ничего не может прибавить или убавить в их благосостоянии. Таков был Ермит с широким, глянцевиным лицом, которого мужики называли толстобрюхим за то, что он был богат. Таков был еще Старостин, на лице которого лежало самодовольное выражение власти: «вы, мол, что ни говорите, а меня никто не тронет. Четверо сыновей, да вот никого не отдадут». Изредка их задирали вольнодумцы, как Копылов и Резун, и они отвечали, но спокойно и твердо, с сознанием своей неприкосновенности. Если Дутлов походил на матку в игре коршуна, то парни его не вполне напоминали собой птенцов: не металась, не пищали, а стояли спокойно позади его. Старший, Игнат, был уже тридцати лет; второй, Василий, был тоже женат, но негоден в рекруты; третий, Илюшка, племянник, только что женившийся, белый, румяный, в щегольском тулупе (он в ямщиках ездил), стоял и поглядывал на народ, почесывая иногда в затылке под шляпой, как будто дело не до него касалось, а его-то именно и хотели оторвать коршуны.

— Так-то и мой дед в солдатах был,—говорил один,—так и я от жеребья отказываться стану. Такого, брат, закона нет. Прошлый набор Михенчева забрили, а его дядя еще домой не приходил.

— У тебя ни отец, ни дядя царю не служили,— в одно и то же время говорил Дутлов,—да и ты-то ни господам, ни миру не служил, только бражничал, да дети от тебя поделались. Что жить с тобой нельзя, так на других показываешь, а я сотским десять годов ходил, старостой ходил, два раза горел, мне никто не помог, а за то, что во дворе у нас мирно да честно, так и разорить меня? Дайте же мне брата назад. Он небось там и помер. Судите по правде,

побожьему, мир православный, а не так,—что пьяный сбредет, то и слушать.

В одно и то же время Герасим говорил Дутлову:

— Ты на брата указываешь, а его не миром отдали, а за его беспутство господа отдали, так он тебе не отговорка.

Еще Герасим не договорил, как мрачно начал желтый и длинный Федор Мельничный, выступая вперед:

— То-то господа, отдают, кого вздумают, а потом миром разбирай. Мир приговорил твоему сыну итти, а не хочешь, проси барыню, она може велиг мне, от детей одинокому, лоб забрить. Вот-те и закон,—сказал он желчно и опять, махнув рукой, стал на прежнее место.

Рыжий Роман, у которого был назначен сын, поднял голову и проговорил: «вот так, так!» и даже сел с досады на приступку.

Но это были еще не все голоса, говорившие вдруг. Кроме тех, которые, стоя позади, говорили о своих делах, и болтуны не забывали своей должности.

— И точно, мир православный,—говорил маленький Жидков, повторяя слова Дутлова,—надо судить похристианству. Похристианству, значит, братцы мои, судить надо.

— Надо по совести судить, друг ты мой любезный,—говорил добродушный Храпков, повторяя слова Копылова и дергая Дутлова за тулуп,—на то господская воля была, а не мирское решение.

— Верно! Вот оно что!—говорили другие.

— Кто пьяный бредет!—возражал Резун.—Ты меня поил, что ли, али сын твой, что по дороге подбирают, меня вином укорять станет? Что, братцы, надо решенье сделать. Коли хотите Дутлова миловать хоть не то двойников, одиноких назначайте, а он смеяться нам будет.

— Дутлову итти! Что говорить!

— Известное дело! Тройникам вперед надо жеребий брать,—заговорили голоса.

— Еще что барыня велит. Егор Михайлович сказывал, дворового поставить хотели,—сказал чей-то голос.

Это замечание задержало немного спор, но скоро он опять загорелся и снова перешел в личности.

Игнат, про которого Резун сказал, что его подбирали по дороге, стал доказывать Резуну, что он пилу украл у прохожих плотников и свою жену чуть до смерти не убил пьяный.

Резун отвечал, что жену он и трезвый, и пьяный бьет, и все мало, и тем всех рассмешил. Насчет же пилы он вдруг обиделся, приступил к Игнату ближе и стал спрашивать:

— Кто украл?

— Ты украл,—смело отвечал здоровенный Игнат, подступая к нему еще ближе.

— Кто украл? не ты ли?—кричал Резун.

— Нет, ты,—кричал Игнат.

После пилы дело дошло до краденной лошади, до мешка с овсом, до какой-то полоски огорода на селницах, до какого-то мертвого тела. И такие страшные вещи наговорили себе оба мужика, что ежели бы сотая доля того, в чем они попрекали себя, была правда, их бы следовало обоим, по закону, тотчас же в Сибирь сослать, по крайней мере, на поселенье.

Дутлов старик между тем избрал другой род защиты. Ему не нравился крик сына; он, останавливая его говорил: «грех, брось! тебе говорят!», а сам доказывал, что тройники не одни те, у кого три сына вместе, а и те, которые поделались. И он указал еще на Старостина.

Старостин слегка улыбнулся, крякнул и, погладив бороду с приемом богатого мужика, отвечал, что на то воля господская. Должно, заслужит его сын, коли велено его обойти.

Насчет же поделенных семейств Герасим тоже раз-

бил доводы Дутлова, заметив, что надо было делиться не позволять, как при старом барине было, что спустя лето по малину не ходят, что теперь не одиноких же отдавать стать.

— Разве из баловства делились? За что ж их теперь разорить вконец?—послышались голоса деленых, и болтуны пристали к этим голосам.

— А ты купи рекрута, коли не любо. Осилишь!—сказал Резун Дутлову.

Дутлов отчаянно запахнул кафтан и стал за других мужиков.

— Ты мои деньги сосчитал видно,—проговорил он злобно.—Вот что еще Егор Михайлович скажет от барыни.

VI

Действительно, Егор Михайлович в это время вышел из дома. Шапки одна за другой поднялись над головами и, по мере того как подходил приказчик, одна за другой открывались плешивые, с середины и спереди седые, полуседые, рыжие, черные и русые головы, и понемногу, понемногу затихали голоса и, наконец, совершенно затихли. Егор Михайлович стал на крыльцо и показал вид, что хочет говорить. Егор Михайлович в своем длинном сюртуке, с неудобно всунутыми в передние карманы руками, в фабричной, надвинутой наперед фуражке и стоя твердо расставленными ногами на возвышении, командуя над этими поднятыми и обращенными к нему, большею частью старыми и большею частью красивыми, боролатыми головами, имел совсем другой вид, чем перед барыней. Он был величествен.

— Вот, ребята, барынино решение: дворовых отдавать ей не угодно, а кого из себя вы сами назначите, тот и пойдет. Нынче нам троих надо. Понастоящему два с половиной, да половина вперед пойдет. Все равно: не нынче, так в другой раз.

— Известно! Это дело!—сказали голоса.

— По моему суждению, — продолжал Егор Михайлович. — Хорошкину и Митюхину Ваське итти — это уж сам бог велел.

— Так точно, верно! — сказали голоса.

— Третьему, надо либо Дутлову, либо из двойниковых. Как вы прикажете?

— Дутлову, — заговорили голоса: — Дутловы тройники.

И опять понемногу, понемногу начался крик, и опять дело дошло как-то до посылки на сельницах и до каких-то украденных с барского двора веретен. Егор Михайлович уже двадцать лет управлял имением и был человек умный и опытный. Он постоял, послушал с четверть часа и вдруг велел всем молчать, а Дутловым кидать жребий: кому из троих. Нарезали жеребьев. Храпков стал доставать из потрясаемой шляпы и вынул жребий Илюшкин. Все замолчали.

— Мой, что ль? Покажь сюда, — сказал Илья, обрвавшимся голосом.

Все молчали. Егор Михайлович велел принести к завтрашнему дню рекрутские деньги, по семи копеек с тягла, и, объявив, что все кончено, распустил сходку. Толпа двинулась, надевая шапки за углом и гудя говором и шагами. Приказчик стоял на крыльце, глядя на уходивших. Когда молодежь-Дутловы прошли за угол, он подозвал к себе старика, который сам остановился, и вошел с ним в контору.

— Жалко мне тебя, старик, — сказал Егор Михайлович, садясь в кресло перед столом, — на тебе черед. Не купишь за племянника или купишь?

Старик, не отвечая, значительно взглянул на Егора Михайловича.

— Не миловать, — ответил Егор Михайлович и его взгляд.

— И рады бы, купили, да не из чего, Егор Михайлыч. Две лошади в лето ободрали. Женил племянника. Видно, судьба наша такая за то, что честно живем. Ему хорошо говорить (он вспомнил о Резуне).

Егор Михайлович потер рукой лицо и зевнул. Ему, видно, уж наскучило, и пора было чай пить.

— Эх, старый, не греши!—сказал он,—а поищи-ка в подполье, авось найдешь стареньких целковеньких четыре сотенки. Я тебе такого охотничка куплю, что чудо. Намедни назывался челозек один.

— В губернии?—спросил Дутлов, под губернией разумеется город.

— Что ж купишь?

— И рад бы, вот перед богом, да...

Егор Михайлович строго прервал его:

— Ну, так слушай ты меня, старик: чтоб Илюшка над собой чего не сделал; как пришло: нынче ли, завтра ли, чтоб сейчас и везти. Ты повезешь, ты и отвечаешь, а ежели что, избави бог, над ним случится, старшего сына забрею. Слышишь?

— Да нельзя ли двойниковых, Егор Михалыч, ведь обидно,—сказал он, помолчав.—Как брат мой в солдатах помер, еще сына берут: за что же на меня напасть такая?—заговорил он, почти плача и готовый удариться в ноги.

— Ну, ступай, ступай,—сказал Егор Михайлович:—ничего нельзя, порядок. За Илюшкой смотреть: ты отвечаешь.

Дутлов пошел домой, задумчиво постукивая лутшкой по калчужкам дороги.

VII

На другой день рано утром перед крыльцом дворового «флигеля» стояла разъезжая тележка (в которой и приказчик ездил), запряженная ширококостным гнедым меринном, называемым неизвестно почему.

Барабаном. Анютка, Поликеева старшая дочь, несмотря на дождь с крупой и холодный ветер, босиком стояла перед головой мерина, издалека, с видимым страхом, держа его одной рукой за повод, другою придерживая на своей голове желто-зеленую кацавейку, исполнявшую в семействе должность одеяла, шубы, чепчика, ковра, пальто для Поликея и еще много других должностей. В угле происходила возня. Было еще темно; чуть-чуть пробивался утренний свет дождливого дня сквозь окно, залепенное кое-где бумагой. Акулина, оставив на время истряпню в печи, и детей, из которых малые еще не вставали и зябли, так как одеяло их было взято для одежды и на место его был дан им голозной платок матери,—Акулина была занята собиранием мужа в дорогу. Рубаха была чистая. Сапоги, которые, как говорится, просили каши, причиняли ей особенную заботу. Впервых, она сняла с себя толстые шерстяные единственные чулки и дала их мужу; а, вовторых, из потника, который лежал плохо в коношне и который Ильич третьего дня принес в избу, она ухитрилась сделать стельки, таким образом, чтобы заткнуть дыры и предохранить от сырости Ильичовы ноги. Ильич сам, сидя с ногами на кровати, был занят перевертыванием кушака, таким образом, чтоб он не имел вид грязной веревки. А сюсюкающая сердитая девочка в шубе, которая, даже надетая ей на голову, все-таки путалась у ней в ногах, была отправлена к Никите попросить шапки... Возню увеличивали дворовые, приходившие просить Ильича купить в городе—той иглою, той чайку, той деревянного маслица, тому табачку и сахарцу, столярной жене, успевшей уже поставить самовар и, чтобы задобрить Ильича, принесшей ему в кружке напиток, который она называла чаем. Хотя Никита и отказал в шапке и надо было привести в порядок свою, то есть, засунуть выбивавшиеся и висевшие из нее хлопki и зашить коновальной иглой дыру, хоть сапоги

со стельками из потника и не влезали сначала на ноги, хоть Анютка и промерзла и выпустила было Барабана, и Машка в шубе пошла на ее место, а потом Машка должна была снять шубу, а сама Акулина пошла держать Барабана,—кончилось тем, что Ильич надел-таки на себя все одеяние своего семейства, оставив только одну кацавейку и тухли, и, убравшись, сел в телегу, запахнулся, поправив сено, еще раз запахнулся, разобрал вожжи, еще плотнее запахнулся, как это делают очень степенные люди, и тронул.

Мальчишка его, Мишка, выбежавший на крыльцо, потребовал, чтобы его прокатили. Сюсюкающая Машка тоже стала просить, чтоб ее «прокатили и сто ей тепло и без субы», и Поликей придержал Барабана, улыбнулся своею слабою улыбкой, а Акулина посадила ему детей, и, нагнувшись к нему, шопотом проговорила, чтоб он помнил клятву и ничего не пил дорогой. Поликей провез детей до кузницы, посадил их, опять укутался, опять поправил шапку и поехал один маленькою степенною рысью, подрагивая на толчках щеками и постукивая ногами по лубку телеги. Машка же и Мишка с такою быстротой и с таким визгом полетели босиком к дому по скользкой горе, что забежавшая с деревни на дворню собака посмотрела на них и вдруг, поджавши хвост, с лаем пустилась домой, от чего визг поликеевых наследников еще удесятерился.

Погода была скверная, ветер резал лицо, и не то снег, не то дождь, не то крупа изредка принимались стегать Ильича по лицу и голым рукам, которые он прятал с холодными вожжами под рукава армяка, и по кожаной крыше хомута, и по старой голове Барабана, который прижимал уши и жмурился.

Потом вдруг переставало, мгновенно расчищалось; ясно виднелись голубоватые снеговые тучи, и солнце как будто начинало проглядывать, но нерешительно

и невесело, как улыбка самого Поликея. Несмотря на то, Ильич был погружен в приятные мысли. Он, которого на поселение сослать хотели, которому угрожали солдатством, которого только ленивый не ругал и не бил, которого всегда тыкали туда, где похуже,—он едет теперь получать сумму денег, и большую сумму, и барыня ему доверяет, и едет он в приказчицкой тележке на Барабане, на котором сама барыня ездит, едет как дворник какой, с ременными гужами и вожжами. И Поликей усаживался прямее, поправлял хлопки в шапке и еще запахивался. Впрочем, ежели Ильич думал, что он совершенно похож на богатого дворника, то он заблуждался. Оно правда, всякий знает, что и от десяти тысяч торговцы в тележке с ременною упряжью ездят; только это — то, да не то. Едет человек, с бородой, в синем ли, черном ли кафтане, на сытой лошади, один сидит в ящике; только взглянешь, сыта ли лошадь, сам сыт ли, как сидит, как запряжена лошадь, как ошпиена тележка, как сам подпоясан, сейчас видно: на тысячи ли, на сотни ли мужик торгует. Всякий опытный человек, как только бы поглядел вблизи на Поликея, на его руки, на его лицо на его недавно отпущенную бороду, на кушак, на сено, брошенное кое-как в ящик, на худого Барабана, на стертые шины, сейчас узнал бы, что это едет холопишка, а не купец, не гуртовщик, не дворник, ни от тысячи, ни от ста, ни от десяти рублей. Но Ильич так не думал, он заблуждался и приятно заблуждался. Три полтысячи рублей повезет он за своею пазухой. Захочет, повернет Барабана вместо дома к Одесту, да и поедет, куда бог приведет. Только он этого не сделает, а верно привезет деньги барыне и будет говорить, что и не такие деньги важивали. Поровнявшись с кабаком, Барабан стал затягивать левую вожжу, оставливаясь и приворачивать; но Поликей, несмотря на то, что у него были деньги, данные на покупки,

свистнул Барабана кнутом и проехал. То же самое он сделал и у другого кабака и к полдням слез с телеги и, отворив ворота купеческого дома, в котором останавливались все барынины люди, провел тележку, отпряг, приставил к сену лошадь, пообедал с купеческими работниками, не преминув рассказать, за каким он важным делом приехал, и пошел с письмом в шапке к садовнику. Садовник, знавший Поликея, прочтя письмо с видимым сомнением порасспросил, точно ли ему велено везти деньги. Ильич хотел обидеться, но не сумел, только улыбнулся своею улыбкой. Садовник перечел еще письмо и отдал деньги. Получив деньги, Поликей положил их за пазуху и пошел на квартиру. Ни полпивная, ни питейные дома, ничто не соблазнило его. Он испытывал приятное раздражение во всем существе и не раз останавливался у лавок с искушающими товарами, сапогами, армяками, шапками, ситцами и съестным. И, постояв немножко, отходил с приятным чувством: могу все купить, да вот не сделаю. Он пошел на базар купить, что ему велено было, забрал все и поторговал дубленую шубу, за которую просили двадцать пять рублей. Продавец почему-то, глядя на Поликея, не верил, чтобы Поликей мог купить; но Поликей показал ему на пазуху, говоря, что всю лавку его купить может, коли захочет, и потребовал примерять шубу, помял, потрепал ее, подул в мех, даже провонял от нее, и, наконец, со вздохом снял. «Неподходящая цена. Коли бы из пятнадцати рублей уступил», сказал он. Купец сердито перекинул шубу через стол, а Поликей вышел и в веселом духе отправился на квартиру. Поужинав, напоив Барабана и задав ему овса, он влез на печку, вынул конверт, долго осматривал его и попросил грамотного дворника прочесть адрес и слова: «со вложением тысячи шестисот семнадцати рублей ассигнациями». Конверт был сделан из простой бумаги, печати были из бурого сургуча с изо-

бражением якоря: одна большая в середине, четыре по краям; с боку было капнуто сургучом. Ильяч все это осмотрел и заучил и даже потрогал острые концы ассигнаций. Какое-то детское удовольствие испытывал он, зная, что в его руках находятся такие деньги. Он засунул конверт в дыру шапки, шапку положил под голову и лег, но ночью он несколько раз просыпался и щупал конверт. И всякий раз, находя конверт на месте, он испытывал приятное чувство сознания, что вот он, Поликей, осрамленный, забитый везет такие деньги и доставит их верно, так верно, как не доставил бы и сам приказчик.

VIII

Около полуночи и купцовы работники, и Поликей были разбужены стуком в ворота и криком мужиков. Это были рекруты, которых привезли из Покровского. Их было человек десять: Хорюшкин, Митюшкин и Илья (племянник Дутлова), двое подставных, староста, старик Дутлов и подводчики. В избе горел ночник, кухарка спала на лавке под образами. Она вскочила и стала зажигать свечу. Поликей тоже проснулся и, перегнувшись с печи, стал смотреть на входивших мужиков. Все входили, крестились и садились на лавки. Все они были совершенно спокойны, так что узнать нельзя было, кто кого привез в отдачу. Они здоровались, гуторили и спрашивали поесть. Правда, некоторые были молчаливы и грустны; зато другие были необыкновенно веселы, видимо выпивши. В том числе был и Илья, до сих пор никогда не пивший.

— Что ж, ребята, ужинать, али спать ложиться?— спросил староста.

— Ужинать,—отвечал Илья, распахнув шубу и усевшись на лавке.—Посылай за водкой.

— Будет те водки-то,—отвечал староста мельком, и снова обратился к другим:—так хлебца закусите, ребята! что народ будить?

— Водки дай,—повторил Илья, ни на кого не глядя, и таким голосом, что видно было, что он не скоро отстанет.

Мужики послушались совета старосты, достали из телег хлебушка, поели, попросили квасу и полегли, кто на полу, кто на печи.

Илья изредка все повторял: «Водки дай, я говорю, подай».—Вдруг он увидел Поликеея:—«Ильич, а Ильич, ты здесь, друг любезный? Ведь я в солдаты иду, совсем распрощался с матушкой, с хозяйкой... Как выла! В солдаты упекли. Поставь водки».

— Денег нет,—отвечал Поликеей.—Еще, бог даст, затылок,—прибавил Поликеей, утешая.

— Нет, брат, как береза чистая, никакой болезни не видал над собой. Уж какой мне затылок? Каких еще царю солдат надо?

Поликеей стал рассказывать историю, как дохтуру синенькую мужик дал и тем уволился.

Илья подвинулся к печке и разговорился.

— Нет, Ильич, теперь кончено, и сам не хочу оставаться. Дядя меня упек. Разве бы мы не купили за себя? Нет, сына жалко и денег жалко. Меня отдают... Теперь сам не хочу. (Он говорил тихо, доверчиво, под влиянием тихой грусти.) Одно—матушку жалко; как убивалась, сердешная! Да и хозяйку: так ни за что погубили бабу; теперь пропадет: солдатка, одно слово. Лучше бы не женить. Зачем они меня женили? Завтра приедут.

— Да что же вас так рано привезли?—спросил Поликеей:—то ничего не слыхать было, а то вдруг...

— Вишь, боятся, чтоб я над собой чего не сделал,—ответил Илюшка, улыбаясь.—Небось, ничего не сделаю. Я и в солдатах не пропаду, только матушку.

жалко. Зачем они меня женили?—говорит он тихо и грустно.

Дверь отворилась, крепко хлопнула, и вошел старик Дутлов, отряхивая шапку, в своих лаптях, всегда огромных, точно на ногах у него были лодки.

— Афанасий,—сказал он, перекрестясь и обращаясь к дворнику,—нет ли фонарика, овса всыпать?

Дутлов не взглянул на Илью и спокойно начал зажигать огарок. Рукавицы и кнут были засунуты у него за поясом, и армяк аккуратно подпоясан: точно он с обозом приехал, так обычно-просто, мирно и озабоченно хозяйственным делом было его трудовое лицо.

Илья, увидав дядю, замолк, опять мрачно опустил глаза куда-то на лавку и заговорил, обращаясь к старосте:

— Водки дай, Ермила. Вина пить хочу.

Голос его был злой и мрачный.

— Какое теперь вино?—отвечал староста, хлебая из чашки:—видишь, люди поели да и легли; а ты что буянишь?

Слово «буянишь», видимо, навело его на мысль буянить.

— Староста, я беду наделаю, коли ты мне водки не дашь.

— Хоть бы ты его урезонил,—обратился староста к Дутлову, который зажег уже фонарь, но, видимо, остановился послушать, что еще дальше будет, и искоса с соболезнованием смотрел на племянника, как будто удивляясь его ребячеству.

Илья, потупившись, опять проговорил:

— Вина дай, беду наделаю.

— Брось, Илья!—сказал староста кротко:—право, брось, лучше будет.

Но не успел он еще выговорить этих слов, как Илья вскопид, ударил кулаком в стекло и закричал во всю мочь.

— Не хотите слушать, вот вам!—и бросился к другому окну, чтоб и то разбить.

Ильич во мгновение ока перекатился два раза и спрятался в углу печи, так что распугал всех тараканов. Староста бросил ложку и побежал к Илье. Дутлов медленно поставил фонарь, распоясался, пощелкивая языком, покачал головой и подошел к Илье, который уже возился со старостой и дворником, не пускавшими его к окну. Они поймали его за руки и держали, казалось, крепко; но как только Илья увидел дядю с кушаком, силы его удесятерились, он вырвался и, закатив глаза, подступил с сжатым кулаком к Дутлову.

— Убью, не подходи, варвар! Ты меня загубил, ты, со своими сыновьями-разбойниками, ты загубил меня! Зачем меня женили? Не подходи, убью!

Илюшка был страшен. Лицо его было багровое, глаза не знали, куда деваться; все его здоровое молодое тело дрожало как в лихорадке. Он, казалось, хотел и мог убить всех троих мужиков, наступавших на него.

— Братнину кровь пьешь, кровопийца!

Что-то сверкнуло на вечно-спокойном лице Дутлова. Он сделал шаг вперед...

— Не хотел добром,—проговорил он и вдруг, откуда взялась энергия, быстрым движением схватил он племянника, повалился с ним на землю и с помощью старосты начал крутить ему руки. Минут с пять боролись они; наконец, Дутлов с помощью мужиков встал, отдирая руки Ильи от своей шубы, в которую тот вцепился, встал сам, потом поднял Илью со связанными назад руками и посадил его на лавку в углу.

— Говорил, хуже будет,—сказал он, задыхаясь еще от борьбы и оправляя поясok рубахи:—что грешить? все умирать будем. Дай ему под голову армяк,—прибавил он, обращаясь к дворнику,—а то голова за-

течет,—и сам взял фонарь, подпоясался веревочкой и вышел опять к лошадям.

Илья, со спутанными волосами, с бледным лицом и вздернутой рубахой оглядывал комнату, как будто старался вспомнить, где он. Дворник подбирал осколки стекол и утыкал в окно полушубок, чтобы не дуло. Староста опять сел за свою чашку.

— Эх, Илюха, Илюха! Жалко мне тебя, право. Что ж делать! Вот Хорюшкин тоже женатый; не миновать, видно.

— От злодея дяди погибаю,—повторил Илья с сухой злобой.—Ему своего жалко... Матушка говорила, приказчик приказывал купить некрута. Не хочет: говорит, не одолеет. Разве мы с братом мало в дом принесли?.. Злодей он.

Дутлов вошел в избу, помолился образам, разделся и подсел к старосте. Работница подала ему еще квасу и ложку. Илья замолк и, закрыв глаза, прилег на армяк. Староста молча указал на него и покачал головой. Дутлов махнул рукой.

— Разве не жалко? Брата родного сын. Мало того, что жалко, еще злодеем меня перед ним изделали. Вложила ему в голову его хозяйка что ль, бабочка хитрая, даром что молодая, что у нас деньги какие, что купить некрута осилим. Вот и укоряет меня. А как жалко малого-то!..

— Ох, мальчй хорош!—сказал староста.

— Да мочи мозей с ним нет. Завтра Игната пришлю, и хозяйка его приехать хотела.

— Присылай-ка, ладно,—сказал староста, встал и полез на печку.—Что деньги? Деньги—прах.

— Были бы деньги, кто бы пожалел?—проговорил купеческий работник, поднимая голову.

— Эх, деньги, деньги! Много греха от них,—отозвался Дутлов.—Ни от чего в свете столько греха, как от денег, и в писании сказано.

— Все сказано,—повторил дворник.—Так-то ска-

звал мне человек один: купец был, денег много накопил и ничего оставить не хотел; так свои деньги любил, что с собою в гроб унес. Стал помирать, только велел подушечку с собою в гроб положить. Не догадались. Так и сделали. Потом стали искать денег сыновья: нет ничего. Догадался один сын, что должно в подушке деньги были. До царя доходило, позволил откопать. Так что ж ты думаешь? Открыли, в подушке ничего нет, а полон козюлями гроб; так и зарыли опять. Вот оно что деньги-то делают.

— Известно, греха много,—сказал Дутлов, встал и начал молиться богу.

Помолившись, он посмотрел на племянника. Тот спал. Дутлов подошел, отпустил ему кушак и лег. Другой мужик пошел спать к лошадям.

IX

Как только все затихло, Поликей, будто виноватый, потихоньку слез и стал убираться. Ему почему-то было жутко ночевать здесь с рекрутами. Петухи уже перекликались чаще. Барабан поел весь свой овес и тянул к пойлу. Ильич запряг его и вывел мимо мужичьих телег. Шапка с содержимым была в целости, и колеса тележки снова застучали по подмерзнувшей Покровской дороге. Поликею легче стало только тогда, как он выехал за город. А то все почему-то ему казалось, что вот-вот сзади послышится погоня, остановят его, да на место Ильи скрутят ему назад руки и завтра поведут в ставку. Не то от холода, не то от страха мороз пробегал у него по спине, и он все потрогивал и потрогивал Барабана. Первый встретившийся ему человек был пол в высокой зимней шапке с кривым работником. Еще жутче стало Поликею. Но за городом страх этот понемногу прошел. Барабан пошел шагом, стала виднее впереди дорога; Ильич снял шапку и ощущал деньги. «Положить их за пазу-

ху?—думал он:—еще распоясываться надо. Вот дай под изволок заеду, там сойду с телеги уберусь. Шапка крепко защита сверху, а вниз из-под подкладки не выскочит. И сымать шапки до дому не стану». Съехав под изволок, Барабан по собственной охоте на вынос выскакал в гору, и Поликей, которому так же, как и Барабану, хотелось скорее домой, не препятствовал ему. Все было в порядке, по крайней мере, ему так казалось, и он предался мечтаньям о благодарности госпожи о пяти целковых, которые она ему даст, и о радости своих домашних. Он снял шапку, оцупал еще раз письмо, нахлобучил себе шапку глубже на голову и улыбнулся. Плис на шапке был гнилой и именно потому, что накануне Акулина старательно зашила его в прорванном месте, он разлезся с другого конца, и именно то движение, которым Поликей, сняв шапку, думал в темноте засовать глубже под хлопki письмо с деньгами, это самое движение распорол шапку и высунуло конверт одним углом из-под плиса.

Стало светать, и Поликей, не спавший всю ночь, задремал. Надвинув шапку и тем еще больше высунув письмо, Поликей в дремоте стал стучаться головой о грядку. Он проснулся около дома. Первым движением его было схватиться за шапку, она сидела плотно на голове, он и не снял ее, уверенный, что конверт тут. Он тронул Барабана, поправил сено, опять принял вид дворника и, важно поглядывая вокруг себя, затрясся к дому.

Вот кухня, вот «флигель», вон столярова жена несет холсты, вон контора, вон барынин дом, в котором сейчас Поликей покажет, что он человек верный и честный, что «нагозреть, мол, можно на всякого», и барыня скажет: «ну, благодарствуй, Поликей, вот тебе три...», а может и пять, а может и десять целковых, и велит еще чаю поднести ему, а може и водочки. С холоду бы не мешало. На десять целковых

и погуляем на празднике, и сапоги купим, и Никите, так и быть, отдадим четыре с полтизой, а то приставать очень начал... Не доезжая шагов сто до дому, Поликей замахнулся еще, оправил пояс, ожерелку, снял шапку, поправил волосы и, не торопясь, сунул руку под подкладку. Рука зашевелилась в шапке, быстрее, еще быстрее, другая всунулась туда же, лицо бледнело, бледнело, одна рука проскочила насквозь... Поликей вскочил на колени, остановил лошадь и начал оглядывать телегу, сею, покупки, щупать пазуху, шаровары: денег нигде не было.

«Батюшки! да что же это? Что ж это будет?» заревел он, схватив себя за волосы.

Но, тут же вспомнив, что его могут увидеть, повернул Барабана назад, надвинул шапку и погнался удивленного и недовольного Барабана назад по дороге.

«Терпеть не могу ездить с Поликеем,—должен был думать Барабан.—Один раз в жизни он накормил и напоил меня во-время и лишь для того, чтоб так неприятно обмануть меня. Как я старался бежать домой! Устал, а тут, только что запахло нашим сеном, он гонит меня назад».

— Ну, ты, одер чертовский!—сквозь слезы кричал Поликей, встав в телеге, дергая по Барабанову рту вожжами и стегая кнутом.

Х

Целый этот день никто в Покровском не видал Поликея. Барыня спрашивала несколько раз после обеда, и Аксютка прилетала к Акулине; но Акулина говорила, что он не приезжал, что, видно, купец задержал или что с лошадью что-нибудь случилось. «Не захромала ли?—говорила она,—прошлый раз так-то целые сутки ехал Максим, всю дорогу пешком шел!» И Аксютка налаживала свои маятники опять к дому, а Акулина придумывала причины задержки мужа и

стараясь успокоить себя, но не успевала. У ней тяжело было на сердце, и никакая работа к завтрашнему празднику не спорилась у ней в руках. Тем более она мучилась, что столярова жена уверяла, как она сама видела: «человек, точно как Ильич, подъехал к прешпекту и потом назад поворотил». Дети тоже с беспокойством и нетерпением ждали тятеньку, но по другим причинам: Анютка и Машка остались без шубы и армяка, дававших им возможность хоть поочередно выходить на улицу, и потому принуждены были только около дома в одних платьях делать круги с усиленною быстротой, чем немало стесняли всех жителей флигеля, входивших и выходивших. Один раз Машка налетела на ноги столяровой жены, несшей воду, и, хотя вперед заревела, стукнувшись об ее колени, получила, однако, потасовку за вихры и еще сильнее заплакала. Когда же она не сталкивалась ни с кем, то прямо влетала в дверь и по кадушке влезала на печку. Только барыня и Акулина истинно беспокоились собственно о Поликее; дети же—только о том, что было на нем надето. А Егор Михайлович, докладывая барыне, на вопрос ее: «не приезжал ли Поликей и где он может быть?» улыбнулся, отвечая: «не могу знать», и видимо был доволен тем, что предположения его оправдывались. «Надо бы к обеду приехать», сказал он значительно. Весь этот день в Покровском никто ничего не знал про Поликея; только уже потом узналось, что видели его мужики соседние, без шапки бегавшего по дороге и у всех спрашивавшего: «не находили ли письма?» Другой человек видел его спящим на краю дороги подле прикрученной лошади с телегой. «Еще я подумал,—говорил этот человек,—что пьяный, и лошадь дня два не поена, не кормлена: так ей бока подвело». Акулина не спала всю ночь, все прислушивалась, но и в ночь Поликей не приезжал. Если б она была одна и были бы у ней повар и девушка, она была бы

еще несчастнее; но как только пропели третьи пелухи и столярова жена поднялась, Акулина должна была встать и приняться за печку. Был праздник: до света надо было хлебы вынуть, квас сделать, лепешки испечь, корову подоить, платья и рубахи выгладить, детей перемыть, воды принести и соседке не дать всю печку занять. Акулина, не переставая прислушиваться, принялась за эти дела. Уж рассвело, уж заблаговестили, уж дети встали. А Поликея все не было. Накануне был зазимок, снег неровно покрыл поля, дорогу и крыши; и шныче, как бы для праздника, день был красный, солнечный и морозный, так что издалека было слышно и видно. Но Акулина, стоя у печи и с головой всовываясь в устье, так занялась печеньем лепешек, что не слыхала, как подъехал Поликей, и только по крику детей узнала, что муж приехал. Анютка, как старшая, насалила голову и сама оделась. Она была в новом розовом ситцевом, но мятом платье, подарке барыни, которое, как лубок, стояло на ней и кололо глаза соседям; волосы у ней лоснились, на них она пол-огарка вымазала; башмаки были хоть не новые, но тонкие. Машка была еще в кацавейке и грязи, и Анютка не подпускала ее к себе близко, чтобы не выпачкала. Машка была на дворе, когда отец подъехал с кульком. «Тяженька плехали», завизжала она, стремглав бросилась в дверь мимо Анютки и запачкала ее. Анютка, уже не боясь запачкаться, тотчас же прибила Машку, а Акулина не могла оторваться от своего дела. Она только крикнула на детей: «ну вас! всех перепорю!» и оглянулась на дверь. Ильич с кульком в руках вошел в сени и тотчас же пробрался в свой угол. Акулине показалось, что он был бледен и лицо у него было такое, как будто он не то плакал, не то улыбался; но ей некогда было разобрать.

— Что, Ильич, благополучно?—спросила она от печи.

Ильич что-то пробормотал, чего она не поняла.
— Ась?—крикнула она,—был у барыни?

Ильич в своем угле сидел на кровати, дико смотрел кругом себя и улыбался своею виноватою и глубоко несчастною улыбкой. Он долго ничего не отвечал.

— А, Ильич? что долго?—раздался голос Акулины.

— Я, Акулина, деньги отдал барыне. Как благодарила!—сказал он вдруг и еще беспокойнее стал оглядываться и улыбаться. Два предмета особенно останавливали его беспокойные лихорадочно-открытые глаза: веревки, привязанные к люльке, и ребенок. Он подошел к люльке и своими тонкими пальцами торопливо стал распутывать узел веревки. Потом глаза его остановились на ребенке; но тут Акулина с лепешками на доске вошла в угол. Ильич быстро спрятал веревку за пазуху и сел на кровать.

— Что ты, Ильич, как будто не по себе?—сказала Акулина.

— Не спал,—отвечал он.

Вдруг за окном мелькнуло что-то, и через мгновение, как стрела, влетела верховая девушка Аксютка.

— Барыня велела Поликею Ильичу притти сею минутою,—сказала она.—Сею минутою велела Авдотья Миколавна... сею минутою.

Поликей посмотрел на Акулину, на девочку.

— Сейчас! чего еще надо?—сказал он так просто, что Акулина успокоилась: может, наградить хочет.— Скажи, сейчас приду.

Он встал и вышел; Акулина же взяла корыто, поставила на лавку, налила воды из ведер, стоявших у двери, из горячего котла в печи, засучила рукава и попробовала воду.

— Иди, Машка, вымою.

Сердитая, сюсюкающая девочка заревела.

— Иди, паршивая, чистую рубаху надену. Ну, ломайся! Иди, еще сестру мыть надо.

Поликей между тем пошел не за верховою девушкой к барыне, а совсем в другое место. В сенях подле стены была прямая лестница, ведущая на чердак. Поликей, выйдя в сени, оглянулся и, не видя никого, нагнувшись, почти бегом, ловко и скоро вбежал по этой лестнице.

— Что такое значит, что Поликей не приходит,— сказала нетерпеливо барыня, обращаясь к Дуняше, которая чесала ей голову,—где Поликей? Отчего он не идет?

Аксютка опять полетела на дворню и опять влетела в сенцы и потребовала Ильича к барыне.

— Да он пошел давно,—отвечала Акулина, которая, вымыв Машку, в это время только что посадила в корыто своего грудного мальчика и мочила ему, несмотря на его крик, его редкие волосики. Мальчик кричал, морщился и старался поймать что-то своими беспомощными ручонками. Акулина поддерживала одною большою рукой его пухленькую, всю в ямочках мягкую спинку, а другою мыла его.

— Посмотри, не заснул ли он где?—сказала она, с беспокойством оглядываясь.

Столярова жена в это время, нечесаная, с распахнутою грудью, поддерживая юбки, входила на чердак достать свое сохнувшее там платье. Вдруг крик ужаса раздался на чердаке, и столярова жена, как сумасшедшая, с закрытыми глазами, на четвереньках, задом и скорее котом, чем бегом, слетела с лестницы.

— Ильич!—крикнула она.

Акулина выпустила из рук ребенка.

— Удавился!—проревела столярова жена.

Акулина, не замечая того, что ребенок как клубочек перекатился навзничь и, задрав ножки, головой окунулся в воду, выбежала в сени.

— На балке... висит,—проговорила столярова жена, но остановилась, увидав Акулину.

Акулина бросилась на лестницу и, прежде чем успели ее удержать, взбежала и с страшным криком, как мертвое тело, упала на лестницу, и убилась бы, если бы выбежавший из всех углов народ не успел поддержать ее.

XI

Несколько минут ничего нельзя было разобрать в общей суматохе. Народу сбежалось бездна, все кричали, все говорили, дети и старухи плакали, Акулина лежала без памяти. Наконец мужчины, столяр и прибежавший приказчик, вошли наверх, и столярова жена в двадцатый раз рассказала, как она, ничего не думавши, пошла за пелеринкой, глянула этаким манером: вижу—человек стоит; посмотрела: шапка подле вывернута лежит. Глядь, а ноги качаются. Так меня холодом и обдало. Легко ли, повесился человек, и я это видеть должна. Как загремлю вниз, а сама не помню. И чудо, как меня бог спас. Истинно, господь помиловал. Легко ли! И кручь, и вышина какая! Так бы до смерти и убилась.

Люди, всходившие наверх, рассказали то же. Ильич висел на балке в одной рубахе и портках на той самой веревке, которую он снял с люльки. Шапка его вывернутая лежала тут же. Армяк и шуба были сняты и порядком сложены подле. Ноги доставали до земли, и признаков жизни уже не было. Акулина пришла в себя и рванулась опять на лестницу, но ее не пустили.

— Мамуска, Семка захлебнулся,—вдруг запищала сюсюкающая девочка из угла. Акулина вырвалась опять и побежала в угол. Ребенок, не шевелясь, лежал навзничь в корыте, и ножки его не шевелились. Акулина выхватила его, но ребенок не дышал и не двигался. Акулина бросила его на кровать, подперлась руками и захохотала таким громким, звонким и страшным смехом, что Машка, сначала тоже засмеявшая-

ся, зажала уши и с плачем выбежала в сени. Народ валил в угол с воем и плачем. Ребенка вынесли, стали оттирать; но все было напрасно. Акулина валялась на постели и хохотала, хохотала так, что страшно становилось всем, кто только слышал этот хохот. Только теперь, увидав эту разнородную толпу мужчин и женщин, стариков, детей, столпившихся в сенях, можно было понять, какая бездна и какой народ жил в дворовом флигеле. Все суетились, все говорили, многие плакали, и никто ничего не делал. Столярова жена все еще находила людей, не слышавших ее истории, и вновь рассказывала о том, как ее нежные чувства были поражены неожиданным видом и как бог спас ее от падения с лестницы. Старичок буфетчик в женской кацавейке рассказывал, как при покойном барине женщина в пруду утопилась. Приказчик отправил к становому и священнику постов и назначил караул. Верховая девушка Аксютка с выкаченными глазами все смотрела в дыру на чердак, и хотя ничего там не видала, не могла оторваться и пойти к барыне. Агафья Михайловна, бывшая горничная старой барыни, требовала чаю для успокоения своих нервов и плакала. Бабушка Анна своими практичными, пухлыми и пропитанными деревянным маслом руками укладывала маленького покойника на столик. Женщины стояли около Акулины и молча смотрели на нее. Дети, прижавшись в углах, взглядывали на мать и принимались реветь, потом замолкали, опять взглядывали и еще пуще жались. Мальчишки и мужики толпились у крыльца и с испуганными лицами смотрели в двери и в окна, ничего не видя и не понимая и спрашивая друг у друга, в чем дело. Один говорил, что столяр своей жене топором ногу отрубил. Другой говорил, что прачка родила тройню. Третий говорил, что поварова кошка взбесилась и перекусала народ. Но истина понемногу распространялась и наконец достигла ушей барыни. И,

кажется, даже не сумели приготовить ее: грубый Егор прямо доложил ей и так расстроил нервы барыни, что она долго после не могла оправиться. Толпа уже начинала успокаиваться; столярова жена поставила самовар и заварила чай, причем посторонние, не получая приглашения, нашли неприличным оставаться долее в ее углу. Мальчишки начинали драться у крыльца. Все уже знали, в чем дело, и, крестясь, начали расходиться, как вдруг послышалось: «барыня, барыня!», и все опять столпились и сжались, чтобы дать ей дорогу, но все тоже хотели видеть, что она будет делать. Барыня, бледная, заплаканная, вошла в сени через порог, в акулинин угол. Десятки голов жались и смотрели у дверей. Одну беременную женщину придавили так, что она запицала, но тотчас же, воспользовавшись этим самым обстоятельством, эта женщина выгадала себе впереди место. И как было не посмотреть на барыню в акулинином углу! Это было для дворовых все равно, что бенгальский огонь в конце представления. Уж, значит, хорошо, коли бенгальский огонь зажгли, и уж, значит, хорошо, коли барыня в шелку да в кружевах вошла к Акулине в угол. Барыня подошла к Акулине и взяла ее за руку; но Акулина вырвала ее. Старые дворовые неодобрительно покачали головами.

— Акулина!—сказала барыня,—у тебя дети, пожалей себя.

Акулина захохотала и поднялась.

— У меня дети все серебряные, все серебряные... Я бумажек не держу,—забормотала она скороговоркой.—Я Ильичу говорила, не бери бумажек, вот тебя и подмазали, подмазали дегтем. Дегтем с мылом, су-барыня. Какие бы парщи не были, сейчас соскочут.—И опять она захохотала еще пуще.

Барыня обернулась и потребовала фершела с горчицей. «Воды холодной дайте», и она сама стала искать воды; но, увидав мертвого ребенка, перед которым

стояла бабушка Анна, барыня отвернулась, и все видели, как она закрылась платком и заплакала. Бабушка же Анна (жалко, что барыня не видала: она бы оценила это,—для нее и было все это сделано) прикрыла ребенка кусочком холста, поправила ему ручку, своею пухлою ловкою рукой и так потрясла головой, так вытянула губы и чувствительно прищурила глаза, так вздохнула, что всякий мог видеть ее прекрасное сердце. Но барыня не видала этого, да и ничего не могла видеть. Она зарыдала, с ней сделалась нервная истерика, и ее вывели под руки в сени и под руки отвели домой. «Только-то от нее и было», подумали многие и стали расходиться. Акулина все хохотала и говорила вздор. Ее вывели в другую комнату, пустили ей кровь, обложили горчичниками, льду приложили к голове; но она все так же ничего не понимала, не плакала, а хохотала и говорила, и делала такие вещи, что добрые люди, которые за ней ухаживали, не могли удержаться и тоже смеялись.

XII

Праздник был невеселый на дворе Покровского. Несмотря на то, что день был прекрасный, народ не выходил гулять: девки не собирались песни петь, ребята фабричные, пришедшие из города, не играли ни в гармонику, ни в балалайки и с девушками не играли. Все сидели по углам и ежели говорили, то говорили тихо, как будто кто недобрый был тут и мог слышать их. Днем все еще было ничего, но вечером, как смерклось, завывли собаки, и тут на беду поднялся ветер и завыв в трубы, и такой страх напал на всех жителей дворни, что у кого были свечи, те зажгли их перед образом; кто был один в угле, пошел к соседям проситься ночевать, где полюднее; а кому нужно было выйти в закуты, не пошел и не пожалел оставить скотину без корму на эту ночь. И святую

году, которая у каждого хранилась в пузырьке, всю в эту ночь истратили. Многие даже слышали, как в эту ночь кто-то все ходил по чердаку тяжелым шагом, и кузнец видел, как змей влетел прямо на чердак. В поликеевом угле никого не было: дети и сумасшедшая переведены были в другие места.

Там только покойничек-младенец лежал да были две старушки и странница, которая по своему усердию читала псалтирь не над младенцем, а так, по случаю всего этого несчастья. Так пожелала барыня. Старушки эти и странница сами слышали, как только-только прочтется кафизма, так задрожит наверху балка и застонет кто-то. Прочтут: «да воскреснет бог», опять затихнет. Столярова жена позвала куму и в эту ночь, не спамши, выпила с ней весь чай, который запасла себе на неделю. Они тоже слышали, как наверху балки трещали, точно мешки падали сверху. Мужики-караульщики придавали храбрости дворovým, а то бы они перемерли в эту ночь со страху. Мужики лежали в сених на сене и потом уверяли, что слышали тоже чудеса на чердаке, хотя в самую эту ночь преспокойно беседовали между собой о некрутстве, жевали хлеб, чесались и главное так наполнили сени особым мужичьим запахом, что столярова жена, проходя мимо них, сплюнула и обругала их мужичьем. Как бы то ни было, удавленник все висел на чердаке, и как будто сам злой дух осенил в эту ночь флигер огромным крылом, показав свою власть и ближе, чем когда-либо, став к этим людям. По крайней мере, все они чувствовали это. Не знаю, справедливо ли это было. Я даже думаю, что вовсе несправедливо. Я думаю, что если бы смельчак в эту страшную ночь взял свечу или фонарь и, осенив или даже не осенив себя крестным знамением, вошел на чердак и, медленно раздвигая перед собой огнем свечи ужас ночи и освещая балки, песок, боров, покрытый паутиной, и забытые столяровою женой пелерники, добрался до

Ильича, и ежели бы, не подавшись чувству страха, поднял фонарь на высоту лица, то он увидел бы знакомое худощавое тело с ногами, стоящими на земле (веревка опустилась), безжизненно согнувшиеся на бок, с расстегнутым воротом рубахи, под которой не видно креста, и опущенную на грудь голову, и доброе лицо с открытыми, невидящими глазами, и кроткую, виноватую улыбку, и строгое спокойствие, и тишину на всем. Право, столярова жена, прижавшись в углу своей кровати, с расстрепанными волосами и испуганными глазами рассказывающая, что она слышит, как падают мешки, гораздо ужаснее и страшнее Ильича, хотя крест его снят и лежит на балке.

Вверху, т. е. у барыни, такой же ужас царствовал, как и во флигере. В барыниной комнате пахло одеколоном и лекарством. Дуняша грела желтый воск и делала спуск. Для чего именно спуск, я не знаю; но знаю, спуск делался всегда, когда барыня была больна. А она теперь расстроилась до нездоровья. К Дуняше для храбрости пришла ночевать ее тетка. Они все четверо сидели в девичьей с девочкой и тихо разговаривали.

— Кто же за маслом пойдет?—сказала Дуняша.

— Ни за что, Авдотья Миколавна, не пойду, Убейтей, не пойду,—решительно отвечала вторая девушка.

— Полно, с Аксюткой вместе поди.

— Я одна сбегаяю, я ничего не боюсь,—сказала Аксютка, но тут же заробела.

— Ну, поди, умница, спроси у бабушки Анны, в стакане, и принеси, не расплескай,—сказала ей Дуняша.

Аксютка подобрала одною рукой подол и, хотя вследствие этого уже не могла махать обеими руками, замахала одной вдвое сильнее поперек линий своего направления и полетела. Ей было страшно, и она чувствовала, что ежели бы она увидела или услышала

что бы то ни было, хоть свою мать живую, она бы пропала со страху. Она летела, почти зажмурившись, по знакомой тропинке.

XIII

«Барыня спит али нет?» спросил вдруг подле Аксютки густой мужицкий голос. Она открыла глаза, которые прежде были зажмурены, и увидела чью-то фигуру, которая, показалось ей, была выше флигера; она взвизгнула и понеслась назад, так что ее юбка не поспевала лететь за ней. Одним скачком она была на крыльце, другим в девичьей и с диким воплем бросилась на постель. Дуняша, тетка ее и другая девушка обмерли со страху; но не успели они очнуться, как тяжелые; медленные и нерешительные шаги послышались в сенях и у двери. Дуняша бросилась к барыне, уронив спуск; вторая горничная спряталась за юбки, висевшие на стене; тетка, более решительная, хотела было придержать дверь, но дверь отворилась, и мужик вошел в комнату. Это был Дуглов в своих лодках. Не обращая внимания на страх девушек, он искал глазами иконы и, не найдя маленького образа, висевшего в левом углу, перекрестился на шкафчик с чашками, положил шапку на окно и, засунув глубокую руку за полушубок, точно он хотел почесаться под мышкой, достал письмо с пятью бурными печатами, изображавшими якори. Дуняшина тетка схватилась за грудь... Насилу она выговорила, голос ее прерывался:

— Перепугал же ты меня, Наумыч!—выговорить не могу сло...ва. Так и думала, что конец пришел.

— Можно ли так!—проговорила вторая девушка, высовываясь из-за юбок.

— И барыню даже встревожили,—сказала Дуняша, выходя из двери,—что лезешь на девичье крыльцо не спросимши? Настоящий мужик!

Дутлов, не извиняясь, повторил, что барыню нужно видеть.

— Она нездорова,—сказала Дуняша.

В это время Аксютка фыркнула таким неприлично-громким смехом, что опять должна была спрятать голову в подушки постели, из которых она целый час, несмотря на угрозы Дуняши и ее тетки, не могла вынуть ее без того, чтобы не прыснуть, как будто разрывалось что в ее розовой груди и красных щеках. Ей так смешно казалось, что все перепутались, и она опять прятала голову, будто в конвульсиях еловила башмаком и подпрыгивала всем телом.

Дутлов остановился, посмотрел на нее внимательно, как будто желая дать себе отчет в том, что такое с ней происходит, но не разобрав, в чем дело, отвернулся и продолжал свою речь.

— Значит, как есть, очень важное дело,—сказал он,—только скажите, что мужик письмо с деньгами нашел.

— Какие деньги?

Дуняша, прежде чем доложить, прочла адрес и расспросила Дутлова, где и как он нашел эти деньги, которые Ильич должен был привезти из города. Разузнав все подробно, и вытолкнув в сени бегунью, которая не переставала фыркать, Дуняша пошла к барыне, но, к удивлению Дутлова, барыня все-таки не приняла его и ничего толком не сказала Дуняше.

— Ничего не знаю и не хочу знать,—сказала барыня:—какой мужик и какие деньги. Никого я не могу и не хочу видеть. Пускай он оставит меня в покое.

— Что же я буду делать?—сказал Дутлов, поворачивая конверт: деньги не маленькие. Написано-то что на них?—спросил он Дуняшу, которая снова прочла ему адрес.

Дутлову как будто все что-то не верилось. Он надеялся, что, может быть, деньги не барынины и что

не так прочли ему адрес. Но Дуняша подтвердила ему еще. Он вздохнул, положил за пазуху конверт и готовился выйти.

— Видно, становому отдать,—сказал он.

— Постой, я еще попытаюсь, скажу,—остановила его Дуняша, внимательно проследив за исчезновением конверта в пазухе мужика.—Дай сюда письмо.

Дутлов опять достал, однако не тотчас передал его в протянутую руку Дуняши.

— Скажите, что нашел на дороге Дутлов, Семен.

— Да дай сюда.

— Я было думал так письмо, да солдат прочел, что с деньгами.

— Да давай же.

— Я и не посмел домой заходить для того...— опять говорил Дутлов, не расставаясь с драгоценным конвертом,—так и доложите.

Дуняша взяла конверт и еще раз пошла к барыне.

— Ах, боже мой, Дуняша!—сказала барыня укорительным голосом,—не говори мне про эти деньги. Как я вспомню только этого малюточку...

— Мужик, сударыня, не знает, кому прикажете отдать,—опять сказала Дуняша.

Барыня распечатала конверт, вздрогнула, как только увидела деньги, и задумалась.

— Страшные деньги, сколько зла они делают!—сказала она.

— Это Дутлов, сударыня. Прикажете ему идти или изволите выйти к нему? Целы ли еще деньги-то?—спросила Дуняша.

— Не хочу я этих денег. Это ужасные деньги. Что они наделали? Скажи ему, чтобы он взял их себе, коли хочет,—сказала вдруг барыня, отыскивая руку Дуняши.—Да, да, да,—повторила барыня удивленной Дуняше,—пускай совсем возьмет себе и делает, что хочет.

— Полторы тысячи рублей,—заметила Дуняша, слегка улыбаясь, как с ребенком.

— Пускай возьмет все—нетерпеливо повторила барыня.—Что ты меня не понимаешь? Эти деньги несчастные, никогда не говори мне про них. Пускай возьмет себе этот мужик, что нашел. Иди, ну иди же! Дуняша вышла в девичью.

— Все ли?—спросил Дутлов.

— Да уж сам сосчитай,—сказала Дуняша, подавая ему конверт:—тебе велено отдать.

Дутлов положил шапку под мышку и, перегнувшись, стал считать.

— Счетов нету?

Дутлов понял, что барыня по глупости не умеет считать и велела ему это сделать.

— Дома сосчитаешь! Тебе... твои деньги!—сказала Дуняша сердито.—Не хочу, говорит, их видеть, отдай тому, кто принес.

Дутлов, не разгибаясь, уставился глазами на Дуняшу.

Тетка дуняшина так и всплеснула руками.

— Матушки родимые! Вот дал бог счастья! Матушки родные!

Вторая горничная не поверила.

— Что вы, Авдотья Николаевна, шутите?

— Вот-те шутите! Велела отдать мужику... Ну, бери деньги, да и ступай,—сказала Дуняша, не скрывая досады.—Кому горе, а кому счастье.

— Шутка ли, полторы тысячи рублей,—сказала тетка.

— Больше,—подтвердила Дуняша.—Ну, свечку поставишь десятикопеечную Миколу,—говорила Дуняша насмешливо.—Что, не опомнишься? И добро бы бедному! А то у него и своих много. Дутлов, наконец, понял, что это была не шутка, и стал собирать и укладывать в конверт деньги, которые он разложил было считать; но руки его дрожали, и он все

взглядывал на девушек, чтоб убедиться, что это не смех.

— Вишь, не опомнится, рад,—сказала Дуняша, показывая, что она все-таки презирает и мужика, и деньги.—Дай я тебе уложу.

И она хотела взять. Но Дутлов не дал; он скомкал деньги, засунул их еще глубже и взялся за шапку.

— Рад?

— И не знаю, что сказать! Вот точно...

Он не договорил, только махнул рукой, ухмыльнулся, чуть не заплакал и вышел.

Колокольчик зазвонил в комнате барыни.

— Что, отдала?

— Отдала.

— Что же, очень рад?

— Совсем как сумасшедший стал.

— Ах, позови его. Я спрошу у него, как он нашел. Позови сюда, я не могу выйти.

Дуняша выбежала и застала мужика в сенях. Он, не надевая шапки, вытянул кошель и, перегнувшись, развязывал его, а деньги держал в зубах. Ему, может быть, казалось, что, пока деньги не в кошелье, они не его. Когда Дуняша позвала его, он испугался.

— Что, Авдотья... Авдотья Миколавна. Али назад отобрать хочет? Хоть бы вы заступились, ей-богу, а я медку вам принесу.

— То-то! Приносил.

Опять отворилась дверь, и повели мужика к барыне. Невесело ему было. «Ох, потянет назад!» думал он почему-то, как по высокой траве поднимая всю ногу и стараясь не стучать лаптями, когда проходил по комнатам. Он ничего не понимал и не видел, что было вокруг него. Он проходил мимо зеркала, видел цветы какие-то, мужик какой-то в лаптях ноги задирает, барин с глазочком написан, какая-то кадушка зеленая и что-то белое... Глядь, заговорило это что-то белое; это барыня. Ничего он не

разобрал, только глаза выкачивал. Он не знал, где он, и все представлялось ему в тумане.

— Это ты, Дутлов?

— Я-с, сударыня. Как было, так и не трогал,— сказал он.—Я не рад, как перед богом. Как лошадь замучил...

— Ну, твое счастье,—сказала она с презрительно-доброю улыбкой.—Возьми, возьми себе.

Он только таращил глаза.

— Я рада, что тебе досталось. Дай бог, чтоб впрок пошло! Что же, ты рад?

— Как не рад! Уж так-то рад, матушка! Все за вас богу молить буду. Я уж так рад, что слава богу, что барыня наша жива. Только и вины моей было.

— Как же ты нашел?

— Значит, мы для барыни всегда могли стараться по чести, а не то, что...

— Уж он совсем запутался, сударыня,—сказала Дуняша.

— Возил рекрута племянника, назад ехал, на дороге и нашел. Поликей, должно, нечаянно выронил.

— Ну, ступай, ступай, голубчик. Я рада.

— Так рад, матушка!..—говорил мужик.

Потом он вспомнил, что он не поблагодарил и не умел обойтись как следовало. Барыня и Дуняша улыбались, а он опять зашагал как по траве и насилу удерживался, чтобы не побежать рысью. А то все казалось ему, вот-вот еще остановят и отнимут...

XIV

Выбравшись на свежий воздух, Дутлов отошел с дороги к липкам, даже распоясался, чтобы ловчее достать кошель, и стал укладывать деньги. Губы его шевелились, вытягиваясь и растягиваясь, хотя он и не произносил ни одного звука. Уложив деньги и подпоясавшись, он перекрестился и пошел, как пьяный,

колеся по дорожке, так он был занят мыслями, хлынувшими ему в голову. Вдруг он увидел перед собой фигуру мужика, шедшего ему навстречу. Он кликнул: это был Ефим, который, с дубиной, караульщиком ходил около флигеля.

— А, дядя Семен,—радостно проговорил Ефимка, подходя ближе. (Ефимке жутко было одному.)—Что, свезли рекрутов, дядюшка?

— Свезли. Ты что?

— Да тут Ильича удушенного караулить поставили.

— А он где?

— Вон, на чердаке, говорят, висит,—отвечал Ефимка, дубиной показывая в темноте на крышу флигеля.

Дутлов посмотрел по направлению руки и, хотя ничего не увидел, поморщился, прищурился и покачал головой.

— Становой приехал,—сказал Ефимка,—сказывал кучер. Сейчас снимать будут. То-то страсть ночью, дядюшка. Ни за что не пойду ночью, коли велят итти наверх. Хоть до смерти убей меня, Егор Михайлыч, не пойду.

— Грех-то, грех-то какой!—повторял Дутлов видимо для приличия, но вовсе не думая о том, что говорил, и хотел итти своею дорогой. Но голос Егора Михайловича остановил его.

— Эй, караульщик, поди сюда,—кричал Егор Михайлович с крыльца.

Ефимка откликнулся.

— Да кто еще там с тобой мужик стоял?

— Дутлов.

— И ты, Семен, иди.

Приблизившись, Дутлов рассмотрел при свете фонаря, который нес кучер, Егора Михайловича и пинзенького чиновника в фуражке с кокардой и в шинели: это был становой.

— Вот и старик с нами пойдет,—сказал Егор Михайлович, увидав его.

Старика покорило, но делать было нечего.

— А ты, Ефимка, парень молодой, беги-ка на чердак, где повесился, лестницу поправь, чтобы их благородию пройти.

Ефимка, ни за что не хотевший подойти к флигелю, побежал к нему, стуча лаптями, как бревнами.

Становой высек огня и закурил трубку. Он жил в двух верстах, был только что жестоко распечен исправником за пьянство и потому теперь был в припадке усердия: приехав в десять часов вечера, он хотел немедленно осмотреть удавленника, Егор Михайлович спросил Дутлова, зачем он здесь. Дорогой Дутлов рассказал приказчику о найденных деньгах и о том, что барыня сделала. Дутлов сказал, что он пришел позволения Егора Михалыча спросить. Приказчик к ужасу Дутлова потребовал конверт и посмотрел его. Становой тоже взял конверт в руки и коротко и сухо спросил о подробностях.

«Ну, пропали деньги»,—подумал Дутлов и стал уже извиняться. Но становой отдал ему деньги.

— Вот счастье сиволапому,—сказал он.

— Ему на руку,—сказал Егор Михайлович.—Он только племянника в ставку свез; теперь выкупит.

— А!—сказал становой и пошел вперед.

— Выкупишь, что ль, Илюшку-то?—сказал Егор Михайлович.

— Как его выкупить-то. Денег хватит ли? А мож, и не время.

— Как знаешь,—сказал приказчик, и оба пошли за становым.

Они подошли к флигелю, в сенях которого вонючие караульщики ждали с фонарем. Дутлов шел за ними. Караульщики имели виноватый вид, который мог относиться разве только к произведенному ими

запаху, потому что они ничего дурного не сделали. Все молчали.

— Где?—спросил становой.

— Здесь,—шопотом сказал Егор Михайлович.— Ефимка,—прибавил он,—ты малый молодой, пошел вперед с фонарем!

Ефимка уж поправил наверху половицу и, казалось, потерял весь страх. Шагая через две и три ступени, он с веселым лицом полез вперед, только оглядываясь и освещая фонарем дорогу становому. За становым шел Егор Михайлович. Когда они скрылись, Дутлов, поставив уже одну ногу на ступеньку, вздохнул и остановился. Прошли минуты две, шаги их затихли на чердаке: видно, они подошли к телу.

— Дядя, тебя зовет!—крикнул Ефимка в дыру.

Дутлов полез. Становой и Егор Михайлович видны были при свете фонаря только верхнюю свою часть за балкой; за ними стоял еще кто-то спиной. Это был Поликей. Дутлов перелез через балку и, крепясь, остановился.

— Поверни-ка его, ребята,—сказал становой.

Никто не тронулся.

— Ефимка, ты малый молодой,—сказал Егор Михайлович.

Малый молодой перешагнул через балку и, перевернув Ильича, стал подле, самым веселым взглядом поглядывая то на Ильича, то на начальство, как показывающий альбиноску или Юлию Пастрану, глядит то на публику, то на свою показываемую штуку, готовый исполнить все желания зрителей.

— Еще поверни.

Ильич еще повернулся, замахал слегка руками и поволок ногой по песку.

— Берись, снимай.

— Отрубить прикажете, Василий Борисович?—сказал Егор Михайлович.—Топор подайте, братцы.

Караульщикам и Дутлову надо было приказать раза

два, чтоб они приступили. Малый же молодой обращался с Ильичом, как с бараньей тушей. Наконец отрубили веревку, сняли тело и покрыли. Становой сказал, что завтра приедет лекарь, и отпустил народ.

XV

Дутлов, шевеля губами, пошел к дому. Сначала было ему жутко, но, по мере того как он приближался к деревне, чувство это проходило, а чувство радости больше и больше проникало ему в душу. На деревне слышались песни и пьяные голоса. Дутлов никогда не пил и теперь пошел прямо домой. Уже было поздно, как он вошел в избу. Старуха его спала. Старший сын и внуки спали на печке, второй сын в чулане. Одна Илюшкина баба не спала и в грязной непраздничной рубахе, простоволосая, сидела на лавке и выла. Она не вышла отворить дяде, а только пуце стала выть и приговаривать, как только он вошел в избу. По мнению старухи, она причитала очень складно и хорошо, несмотря на то, что по молодости своей не могла еще иметь практики.

Старуха встала и собрала ужинать мужу. Дутлов прогнал Илюшкину бабу от стола. «Буде, буде!» сказал он. Аксинья встала и, прилегши на лавку, не переставала выть. Старуха молча набрала на стол и потом убрала. Старик тоже не сказал ни одного слова. Помолившись богу, он рыгнул, умыл руки и, захватив с гвоздя счеты, пошел в чулан. Там сначала он пошептал со старухой, потом старуха вышла, а он стал щелкать счетами, наконец, стукнул крышкой сундука и полез в подполье. Долго возился он в чулане и в подполье. Когда он вошел, в избе уже было темно, лучина не горела. Старуха днем обыкновенно тихая и неслышная, уже завалилась на палати и храпела на всю избу. Шумливая Илюшкина баба тоже спала и неслышно дышала. Она спала на лавке, не раздевшись,

как была, и ничего не подослав под голову. Дутлов стал молиться, потом посмотрел на Илюшкину бабу, покачал головой, потушил лучину, еще рыгнул, полез на печку и лег рядом с мальчиком внучком. В темноте покидал он сверху лапти и лег на спину, глядя на перемет над печкой, чуть видневшийся над его головой, и прислушиваясь к тараканам, шуршавшим по стене, ко вздохам, храпению, чесанью нога об ногу и к звукам скотины на дворе. Ему долго не спалось; взошел месяц, светлее стало в избе, ему видно стало в углу Аксинью и что-то, чего он разобрать не мог: армяк ли сын забыл, или кадушку бабы поставили, или стоит кто-то. Задремал он или нет, но только он стал опять вглядываться... Видно, тот мрачный дух, который навел Ильича на страшное дело и которого близость чувствовали дворовые в эту ночь, видно, этот дух достал крылом и до деревни, до избы Дуглова, где лежали те деньги, которые он употребил на пагубу Ильича. По крайней мере, Дутлов чувствовал его тут, и Дутлову было не по себе. Ни спать, ни встать. Увидев что-то, чего не мог он определить, он вспомнил Илюху со связанными руками, вспомнил лицо Аксиньи и ее складное причитанье, вспомнил Ильича с качающимися кистями рук. Вдруг старику показалось, что кто-то прошел мимо окна. «Что это, или уж староста повещать идет?» подумал он. «Как это он отпер?—подумал старик, слыша шаги в сенях:—или старуха не заложила, как выходила в сенцы?» Собака завyla на за дворке, а он шел по сеням, как потом рассказывал старик, как будто искал двери, прошел мимо, стал опять оцупывать по стене, споткнулся на кадушку, и она загремела. И опять он стал оцупывать, точно скобку искал. Вот взялся за скобку. У старика дрожь пробежала по телу. Вот дернул за скобку и вошел в человеческом образе. Дутлов знал уже, это был он. Он хотел сотворить крест, но не мог. Он подошел к столу, на котором лежала ска-

терть, сдернул ее, бросил на пол и полез на печь. Старик узнал, что он был в Ильичевом образе. Он оскалился, руки болтались. Он влез на печку, навалился прямо на старика и начал душить.

— Мои деньги,—выговорил Ильич.

— Отпусти, не буду,—хотел и не мог сказать Семен.

Ильич душил его всею тяжестью каменной горы, напирая ему на грудь. Дутлов знал, что, ежели он прочтет молитву, он отпустит его, и знал, какую надо прочесть молитву, но молитва эта не выговаривалась. Внук спал рядом с ним. Мальчик закричал пронзительно и заплакал: дед придавил его к стене. Крик ребенка освободил уста старика. «Да воскреснет бог», проговорил Дутлов. Он отпустил немного. «И расточатся врази...», шамкал Дутлов. Он сошел с печки. Дутлов слышал, как стукнул он обеими ногами об пол. Дутлов все читал молитвы, которые были ему известны, читал все подряд. Он пошел к двери, миновал стол и так стукнул дверью, что изба задрожала. Все спали, однако, кроме деда и внука. Дед читал молитвы и дрожал всем телом, а внук плакал, засыпая, и жался к деду. Все опять затихло. Дед лежал, не двигаясь. Петух прокричал за стеной под ухом Дутлова. Он слышал, как куры зашевелились, как молодой петушок попробовал закричать вслед за старым и не сумел. Что-то зашевелилось по ногам старика. Это была кошка: она спрыгнула на мягкие лапки с печки наземь и стала мяукать у двери. Дед встал, поднял окно; на улице было темно, грязно; передок стоял тут же под окном. Он босиком, крестясь, вышел на двор к лошадям: и тут было видно, что хозяин приходил. Кобыла, стоявшая под навесом у обреза, запуталась ногой в повод, просыпала мякиту и, подняв ногу, закрутив голову, ожидала хозяина. Жеребенок завалился в навоз. Дед поднял его на ноги, распутал кобылу, зало-

жил корму и пошел в избу. Старуха поднялась и зажгла лучину. «Буди ребят,—сказал он,—в город поеду», и, зажегши восковую свечку от образов, полез с ней в подполье. Уж не у одного Дутлова, а у всех соседей зажглись огни, когда он вышел оттуда. Ребята встали и уже сбирались. Бабы входили и выходили с ведрами и шайками молока. Игнат запрягал телегу. Второй сын мазал другую. Молодайка уже не выла, но, убравшись и повязавшись платком, сидела в избе на лавке, ожидая времени ехать в город проститься с мужем.

Старик казался в особенности строг. Никому он не сказал ни одного слова, надел новый кафтан, подпоясался и со всеми Ильичовыми деньгами за пазухой пошел к Егору Михайловичу.

— Ты у меня копайся!—крикнул он на Игната, вертевшего колеса на поднятой и смазанной оси.— Сейчас приду. Чтобы готово было!

Приказчик, только что встав, пил чай и сам собирался в город ставить рекрут.

— Что ты?—спросил он.

— Я, Егор Михалыч, малого выкупить хочу. Уж сделайте милость. Вы намедни говорили, что в городе охотника знаете. Научите: наше дело темное.

— Что ж, передумал?

— Передумал, Егор Михалыч: жалко, братнин сын. Какой ни на есть, все жалко. Греха от них много, от денег от этих. Уж сделай милость, научи,—говорил он, кланяясь в пояс.

Егор Михайлович, как и всегда в таких случаях, глубокомысленно и молча чмокал долго губами и, обсудив дело, написал две записки и рассказал, что и как надобно делать в городе.

Когда Дутлов вернулся домой, молодая уже уехала с Игнатом, и чалая брюхастая кобыла, совсем запряженная, стояла под воротами. Он выломил хворостину из забора, запахнувшись, уселся в ящик и по-

гнал лошадь. Дутлов гнал кобылу так шибко, что у ней сразу пропало все брюхо, и Дутлов уже не глядел на нее, чтобы не разжалобиться. Его мучила мысль, что он опоздает как-нибудь к ставке, что Илюха пойдет в солдаты и чортовы деньги останутся у него на руках.

Не стану подробно описывать всех похождений Дутлова в это утро; скажу только, что ему особенно поспешилось. У хозяина, которому Егор Михайлович дал записку, был совсем готовый охотник, проживший уже двадцать три целковых и уже одобренный в палате. Хозяин хотел взять за него четыреста, а покупатель, мещанин, ходивший уже третью неделю, все просил уступить за триста. Дутлов кончил дело с двух слов. «Триста с четвертною возьмешь?» сказал он, протягивая руку, но с таким выражением, что сейчас же было видно, что он готов еще надбавить. Хозяин оттягивал руку и продолжал просить четыреста. «Не возьмешь с четвертною?» повторил Дутлов, схватывая левою рукой правую руку хозяина и угрожая хлопнуть по ней своей правой. «Не возьмешь? Ну бог с тобой!» вдруг проговорил он, ударив по руке хозяина и с размаху повернувшись от него всем телом. «Видно так и быть! Берн с полсотней. Выправляй фитанец. Веди малого-то. А теперь на задатку. Две красненьких будет, что ль?»

И Дутлов распоясывался и доставал деньги.

Хозяин хотя и не отнимал руки, но все еще как будто бы не созсем соглашался и, не принимая задатка, выговаривал магарычи и угощение охотнику.

— Не грехи,—повторил Дутлов, суя ему деньги,—умирать будем,—повторял он таким кротким, поучительным и уверенным тоном, что хозяин сказал:

— Нечего делать,—еще раз ударил по руке и стал молиться богу.—Дай бог час,—сказал он.

Разбудили охотника, который спал еще со вчерашнего перепоя, для чего-то осмогтели его и пошли все

в правление. Охотник был весел, требовал опохмелиться рому, на который дал ему денег Дутлов, и заробел только в ту минуту, когда они стали входить в сени присутствия. Долго стояли тут в сенях старик-хозяин в синей сибирке и охотник в коротеньком полушубке, с поднятыми бровями и вытаращенными глазами; долго они тут перешептывались, куда-то просились, кого-то искали, зачем-то перед всяким писцом снимали шапки и кланялись и, глубокомысленно выслушивали решение вынесенное знакомым хозяину писцом. Уже всякая надежда окончить дело нынче была оставлена, и охотник начинал было опять становиться веселее и развязнее, как Дутлов увидал Егора Михайловича, тотчас же вцепился в него и начал просить и кланяться. Егор Михайлович помог так хорошо, что часу в третьем охотника, к великому его неудовольствию и удивлению, ввели в присутствие, поставили в ставку и с общею почему-то веселостью, начиная от сторожей до председателя, раздели, обрили, одели и выпустили за двери, и через пять минут Дутлов отсчитал деньги, получил квитанцию и, простившись с хозяином и охотником, пошел на квартиру к купцу, где стояли рекруты из Покровского. Илья с молодойкой сидели в углу купцовой кухни, и как только вошел старик, они перестали говорить и уставились на него с покорным и недоброжелательным выражением. Как всегда, старик помолился богу, распоясался, достал какую-то бумагу и позвал в избу старшего сына Игната и илюшкину мать, которая была на дворе.

— Ты не грешни, Илюха,—сказал он, подходя к племяннику.—Вечор ты мне такое слово сказал... Разве я тебя не жалею? Я помню, как мне тебя брат приказывал. Кабы была моя сила, разве я тебя бы отдал? Бог дал счастья, я не пожалел. Вот она бумага-то,—сказал он, кладя квитанцию на стол и бережно расправляя ее кривыми, неразгибающимися пальцами.

В избу вошли со двора все покровские мужики, купцовы работники и даже посторонний народ. Все догадывались, в чем дело, никто не прерывал торжественной речи старика.

— Вот она бумажка-то! Четыреста целковых отдал. Не кори дядю.

Илюха встал, но молчал, не зная, что сказать. Губы его вздрагивали от волнения; старуха мать подошла было к нему, всхлипывая, и хотела броситься ему на шею, но старик медленно и повелительно отвел ее рукой и продолжал говорить.

— Ты мне вчера одно слово сказал,—повторил еще раз старик,—ты меня этим словом как ножом в сердце пырнул. Твой отец мне тебя умираючи приказывал, ты мне вместо сына родного был, а коли я тебя чем обидел, все мы в грехе живем. Так ли, православные?—обратился он к стоявшим вокруг мужикам.— Вот и матушка твоя родная тут, и хозяйка молодая, вот вам фитанец. Бог с ними, с деньгами! А меня простите, Христа ради!

И он, заворотив полу армяка, медленно опустился на колени и поклонился в ноги Илюшке и его хозяйке. Напрасно удерживали его молодые: не прежде, как дотронувшись головой до земли, он встал и, отряхнувшись, сел на лавку. Илюшкина мать и молодая выли от радости: в толпе слышались голоса одобрения. «По правде, побожьему, так-то», говорил один. «Что деньги? За деньги малого не купишь», говорил другой. «Радость-то какая,—говорил третий,—справедливый человек, одно слово». Только мужики, назначенные в рекруты, ничего не говорили и неслышно вышли на двор.

Через два часа две телеги Дутловых выезжали из предместья города. В первой, запряженной чалою кобылой, с подведенным животом и потною шеей, сидели старик и Игнат. В задке тряслись связки, котелок и калачи. Во второй телеге, которою никто не

правил, степенно и счастливо сидели молодайка с свекровью, обвязанные платочками. Молодая держала под занавеской штофчик. Илюшка, скорчившись задом к лошади, с раскрасневшимся лицом, тряся на передке, закусывая калачом и не переставая разговаривать. И голоса, и гром телег по мостовой, и пофыркивание лошадей,—все сливалось в один веселый звук. Лошади, помахивая хвостами, все прибавляли рыси, чуя направление к дому. Прохожие и проезжие невольно оглядывались на веселую семью.

На самом выезде из города Дутловы стали обгонять партию рекрут. Группа рекрут стояла кружком около питейного дома. Один рекрут, с тем неестественным выражением, которое дает человеку бритый лоб, сдвинув на затылок серую фуражку, бойко трепал в балалайку, другой, без шапки, со штофом водки в одной руке, плясал в середине кружка. Игнат остановил лошадь и слез, чтобы закрутить тяж. Все Дутловы стали смотреть с любопытством, одобрением и веселостью на плясавшего человека. Рекрут, казалось, не видал никого, но чувствовал, что дивизирующаяся на него публика все увеличивалась, и это придавало ему силы и ловкости. Рекрут плясал бойко. Брови его были нахмурены, румяное лицо его было неподвижно, рот остановился на улыбке, уже давно потерявшей выражение. Казалось, все силы души его были направлены на то, чтобы как можно быстрее становить одну ногу за другую то на каблук, то на носок. Иногда он вдруг останавливался, подмигивал балалаечнику, и тот еще бойчее начинал дребезжать всеми струнами и даже постукивать по крышке костяшками пальцев. Рекрут остановился, но и оставаясь неподвижным, он все, казалось, плясал. Вдруг он начинал медленно двигаться, потряхивая плечами, и вдруг, взвивался кверху, с разлету садился на корточки и с диким визгом пускался в присядку. Мальчишки смеялись, женщины покачивали головой, мужчины одо-

брительно улыбались. Старый унтер-офицер спокойно стоял подле пляшущего с видом, говорившим: «взял это в диковинку, а нам уж все это коротко знакомо». Балалаечник, видимо, устал, лениво оглянулся, сделав какой-то фальшивый аккорд, вдруг стукнул пальцами о крышку, и пляска кончилась.

— Эх, Алеха!—сказал балалаечник плясавшему, указывая на Дутлова,—вон крестный-то!

— Где? Друг ты мой любезный!—закричал Алеха, тот самый рекрут, которого купил Дутлов, и усталыми ногами падая наперед и поднимая над головой штоф водки, подвинулся к телеге.—Мишка стакан!—закричал он.—Хозяин! друг ты мой любезный! Вот радость-то, право!..—вскричал он, заваливаясь пьяною головой в телегу, и начал угощать мужиков и баб водкой. Мужики выпили, бабы отказались.—Родные вы мои, чем мне вас одарить?—восклидал Алеха, обнимая старух.

Торговка с закусками стояла в толпе, Алеха увидал ее, выхватил у ней лоток и весь высыпал в телегу.

— Небось, заплачу-у-у, чорт,—завопил он, плачущим голосом и тут же, вытащив из шаровар кисет с деньгами, бросил его Мишке.

Он стоял облокотившись на телегу, и влажными глазами смотрел на сидевших в ней.

— Матушка-то которая?—спросил он.—Ты, что ли? И ей пожертвую.

Он задумался на мгновение и полез в карман, достал новый сложенный платок, полотенце, которым он был подпоясан под шинелью, торопливо снял с шеи красный платок, скомкал все и сунул в колени старухе.

— На, тебе, жертвую,—сказал он голосом, который становился все тише и тише.

— Зачем? Спасибо, родной! Вишь простой малый какой,—говорила старуха, обращаясь к старику Дутлову, подошедшему к их телеге.

Алеха совсем замолк и, осоловелый, как будто засыпая, поникал все ниже и ниже головой.

— За вас иду, за вас погибаю!—проговорил он.— За то вас и дарую.

— Я чай, тоже матушка есть,—сказал кто-то из толпы.—Простый малый какой! беда!

Алеха поднял голову.

— Матушка есть,—сказал он.—Батюшка родимый есть. Все меня отрешились. Слушай ты, старая,—прибавил он, хватая Илюшкину старуху за руку.— Я тебя одарил. Послушай ты меня, ради Христа. Ступай ты в село Водное, спроси ты там старуху Никоннову, она самая моя матушка родимая, чужья, и скажи ты старухе этой самой, Никоновой старухе, с краю третья изба, колодезь новый... скажи ты ей, что Алеха, сын твой... значит... Музыкан! Валяй!—крикнул он.

И опять стал плясать, приговаривая, и швырнул об землю штоф с оставшеюся водкой.

Игнат влез на телегу и хотел тронуть.

— Прощай, дай бог тебе!..—проговорила старуха, запахивая шубу.

Алеха вдруг остановился.

— Поезжайте вы к дьяволу!—закричал он, угрожая стиснутыми кулаками.—Чтоб твоей матери!..

— Ох, господи!—проговорила, крестясь, Илюшкина мать.

Игнат тронул кобылу, и телеги снова застучали. Алексей рекрут стоял посредине дороги и, стиснув кулаки, с выражением ярости на лице, ругал мужиков, что было мочи.

— Что стали? Пошел! Дьявол, людоеды!—кричал он.—Не уйдешь моей руки! Черти! Лапотники!..

С этим словом голос его оборвался, и он, как стоял, со всех ног ударился о землю.

Скоро Дутловы выехали в поле и, оглядываясь, уже не видали толпы рекрут. Проехав верст пять шагом,

Игнат слез с отцовской телеги, на которой заснул старик, и пошел рядом с Илюшкиной.

Вдвоем выпили они штофчик, взятый из города. Немного погодя, Илья зашел песню, бабы подтянули ему, Игнат весело покрикивал на лошадь в лад песни. Быстро навстречу промчалась веселая перекладная. Ямщик бойко крикнул на лошадей, поровнявшись с двумя веселыми телегами; почталион оглянулся и подмигнул на красные лица мужиков и баб, с веселою песней трясшихся в телеге.

